

Дмитрий
Суслин

**БОЛЬНИЦА
СКОРОЙ
ПОМОЩИ**

роман ужасов

Дмитрий Юрьевич Суслин

Больница скорой помощи

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163973

Аннотация

Это традиционный триллер и роман ужасов типа «Сияние» Стивена Кинга или «Они жаждут» Боба МакКамона. Эдакие «Ожившие мертвецы» по-русски. Настоящий подарок для всех любителей пощекотать нервы и пустить в кровь адреналин. Молодой человек приходит в больницу по пустяковому делу. Его судьбу круто меняет случайная встреча с умирающим колдуном, который передает ничего не подозревавшему герою свою магическую силу, и тот сам становится колдуном. Одновременно к нему является призрак давно умершего отца и требует мщения за свое убийство. Но раскрыть причины своей смерти он сразу не может, только после того, как сын в больнице принесет кровавую жертву. Сергей начинает с кота, но призрак требует человеческой крови. И Сергей уже не может остановиться... Одновременно с этим в Больнице Скорой помощи творятся страшные вещи. Ужасным образом гибнут люди: гениальный хирург, который подобно Франкенштейну пытается оживить мертвых, жестокая медсестра из детского отделения. Их убивают мертвецы, которым Сергей дал дорогу в этот мир. Но пока они приходят сюда лишь на короткое время. Милиция же ищет маньяка-убийцу. Вокруг больницы и внутри нее десятки омоновцев и спецназовцев: идет крупная операция. Но убийца не маньяк, а колдун, и проходит через все препятствия. Здесь только случайность помешает ему принести последнюю жертву. Но после этого Больница Скорой помощи становится ловушкой для всех, кто здесь находится. Полчища мертвецов, вырвавшихся из ада, атакуют больницу, из которой невозможно выйти. К тому же сюда является и сам повелитель Ада. Только немногие смогут вырваться из этого кошмара...

Содержание

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ	4
1	4
2	11
3	18
4	21
5	27
ВТОРОЕ ПОСЕЩЕНИЕ	30
1	30
2	39
3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Суслин

Больница скорой помощи

роман

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

1

– Кажется это здесь, – сказал Сергей.

Валя и Димка промолчали.

– Да, это здесь, – еще раз, более уверенным голосом сказал Сергей и взялся за ручку двери.

Это была уже седьмая дверь, через которую они пытались попасть внутрь. Над ней, как и над предыдущими, была все та же, ничего не говорящая, надпись:

«БОЛЬНИЦА СКОРОЙ ПОМОЩИ»

И все.

Больше ничего.

Только вот добраться до этой самой помощи здесь было не так уж и просто. Больница была невероятно громоздкая и располагалась не в одном здании, а почти в полутора десятках помещениях, связанных друг с другом узкими одноэтажными коридорами, в которых даже не было окон. Попасть сюда в это время дня, можно было только через приемный покой. В поисках этого самого приемного покоя Сергею, Вале и шестилетнему Димке и пришлось проплутать вокруг больницы и битый час тыкаться в закрытые двери. На дверях были потускневшие от времени вывески, которые ничего не говорили, лишь раздражали названиями: хирургическое отделение, терапевтическое, неврологическое, инфекционное, проктологическое, детское и еще десяток других, таких же непонятных. В конце концов, Сергею это так надоело, что он сказал себе, что если и эта дверь не откроется, то он пошлет все к чертовой матери и уведет Валю и ее ненавистного племянника обратно домой, и пусть они там делают, что хотят. Ему на все это глубоко плевать. Правда Валя обидится. Ничего. Подуется денек, потом сама прибежит.

Дверь открылась. Ее держала такая тугая пружина, что Сергею пришлось навалиться на нее всем телом, чтобы дать пройти своим спутникам. Когда Валя и ее племянник оказались внутри, проклятая дверь буквально втокнула Сергея вслед за ними. Они оказались в длинном узком коридоре, который освещала такая тусклая лампа, что лучше бы ее и вовсе не было. Впрочем, то, что здесь горела даже такая лампочка, само по себе было чудом.

Маленький Димка впервые за все это время остановился и нерешительно затоптался на месте.

– Ты что это встал? – язвительным и полным мстительного удовлетворения голосом спросил его Сергей. – Давай иди!

Мальчик шмыгнул носом и подталкиваемый безжалостной рукой Сергея поплелся вперед. Он жалобно посмотрел на свою тетюшку, как бы ища у нее поддержки или хотя бы сострадания, но не нашел в ее глазах ни того, ни другого. Валя иногда могла быть ужасно суровой и непреклонной. А сейчас она действительно на него рассердилась.

Коридор кончился и превратился в довольно просторное помещение, заставленное рядами стульев обитых темно-синим дерматином. Здесь уже горели лампы поярче. Правда,

на их плафонах было слишком много пыли; на крайнем даже виднелись отпечатки пальцев человека, который последний раз менял лампы. Однако и тут вновь прибывшим посетителям явно нечего было делать. Помощь здесь вряд ли окажут, даже если ты ляжешь на пол, и будешь тихо умирать.

Сергей огляделся и увидел еще одну дверь.

– За мной, – скомандовал он.

Они оказались еще в одном коридоре и, наконец, увидели то, что так долго искали. Приемный покой был прямо перед ними. Осталось сделать только несколько шагов, пересечь коридор, и две молоденькие медсестры, сбросив сонливое оцепенение, которое всегда охватывает их на подобных дежурствах, прекратили свой бестолковый и монотонный разговор и вопросительно уставились на пришедших. В глазах у них было такое удивление, словно они увидели что-то необычное и загадочное.

– Это приемный покой? – на всякий случай спросил Сергей.

– Да, – ответила медсестра, которая сидела с правой стороны стола. У нее были огромные черные глаза, покрытые какой-то невидимой поволокой, от чего взгляд девушки был маслянистым, словно нефтяное пятно на поверхности воды. – Что случилось?

Что случилось? Этот, на первый взгляд, простой вопрос всегда ставит в тупик, особенно если дело касается врачей или милиционеров. Нет ничего трудней, чем отвечать на сей вопрос людям этих профессий. Всегда хочется начать с самого главного и существенного, но обязательно все напутаешь и, в конце концов, несешь всякую чушь, а потом замечаешь снисходительный и все понимающий взгляд и совершенно теряешься, после чего остается только одно желание – послать все к черту.

То, что случилось, не расскажешь двумя словами.

* * *

...День рождения начался как обычно. Гости, всего пять человек, собирались почти час, и Сергей от нечего делать играл с Валиным племянником, на день рождения, матери которого он пришел. Мальчик два года уже жил без отца, тот ушел от семьи с диким скандалом, бранью и даже один раз подрался с Мариной, своей женой, на глазах у сына, и Димка после этого долго бросался на каждого взрослого мужчину в надежде обрести в нем нового отца. Поэтому он очень быстро привязался к Сергею, когда тот появился в их доме, вначале даже несколько раз назвал его папой, и всегда охотно играл с ним. Он так радовался общению с Сергеем, что даже не замечал, как сильно раздражает его, и тот играет с ним, только чтобы не выглядеть перед Валею совсем уж черствым человеком. Сергей же еле-еле терпел присутствие мальчика, очень часто раздражался и намекал Вале, что он был бы вдвое более счастлив, если бы у нее вообще не было племянника.

Но племянник был. И Валя его очень любила. Так любила, как племянников любить даже не полагается. И Сергею волей-неволей приходилось с этим мириться. Впрочем, нельзя сказать, что он так уж ненавидел Димку. Совсем нет. Иногда он был очень добр и внимателен к нему и даже делал подарки, которые сразу становились Димкиными любимыми вещами. Именно вещами. Сергей никогда не дарил ему игрушек. Только полезные и нужные в жизни предметы. Например, фонарик или рыбацкий нож. Но Димка был очень впечатлительным и нервным ребенком. У него часто менялось настроение, без причины могла начаться истерика. И это Сергею, привыкшему к спокойной размеренной жизни, очень не нравилось. Это его бесило. И испорченное настроение он всегда срывал на Вале. Как бы в отместку за ее племянника. Девушка понимала, что мальчик не ангел, и покорно сносила все нудные отповеди кавалера. Вернее было сказать, что она не сносила его недовольство, она просто не

обращала на него внимания. Она была счастлива, потому что почти год была влюблена в Сергея, и он был ей мил даже, когда ворчал.

К тому моменту, когда застолье все-таки началось, и первые рюмки стали наполняться Столичной, мальчик уже был так возбужден, что Марине пришлось несколько раз на Димку прикрикнуть, что, однако на него никакого впечатления не произвело, и он продолжал беситься и привлекать к себе внимание гостей. Он никак не мог понять, что это не его день рождения, а мамин, и вел себя как хозяин.

Впрочем, ни гости, ни Марина не обращали на Димку особого внимания. Маринины друзья давно уже привыкли к тому, что от ее сына можно ожидать любой проделки, и их это мало трогало. А меньше всех это трогало саму Марину. Она была из тех матерей, которых самих надо было воспитывать, потому что они не вышли из детского возраста, так как в свое время не нагулялись, как следует, а сразу поспешили выскочить замуж и родить ребенка. Теперь этот ребенок тоже не обращал на мать внимания и наслаждался жизнью во взрослой компании.

Больше всех по поводу поведения чада волновались бабушка и тетушка. Они беспрестанно делали ему замечания и не взрывались гневом только потому, что перед гостями культурным людям делать этого просто не полагается. Бабушка Настасья Филипповна, наконец, обиделась на внука и сидела надутая, как Карлсон в Димкиной книжке. У них с внуком были довольно панибратские отношения, так что мальчик ни сколько не опасался мести с ее стороны, зато на Валю, он изредка бросал опасливые взгляды, прекрасно понимая, что перед ней ему потом придется отвечать по всей строгости закона. Но и это не могло его остановить.

Валя бросала на Сергея виноватые взгляды и умоляла его не сердиться на Диму. Сергей и не сердился, но по его лицу было видно, что он очередной раз жалеет, что нашел себе девушку с таким утомительным и раздражающим хвостом.

Когда была выпита уже третья рюмка водки и кончилось шампанское, на мальчика уже никто никакого внимания не обращал, что бы тот не вытворял, а если на детей и их шалости перестают обращать внимания, то, как правило, кончаются и сами шалости. Димка наконец стал вести себя как нормальный ребенок, и даже был момент, когда он чуть было не ушел в детскую комнату и не занялся своими игрушками.

Еды было не так уж и много, но часа через полтора все почувствовали, что необходимо потанцевать, иначе больше ничего не влезет. Кассету с песнями Ободзинского сменили на «Комбинацию», и веселье началось. Катя Верещагина и Ольга Спицына, которую никто не приглашал, но которая пришла сама с бутылкой какого-то сивушного вина, особы довольно разбитные, а когда выпьют, и вовсе вульгарные, стали задирать ноги выше головы, а там, где танцы, там и дети, прискакал Димка и тоже включился в дискотеку.

Настасья Филипповна не могла смотреть на это слишком долго. Настал тот момент, когда ее нервы не выдержали, и она ушла прогуляться с соседкой. Когда она ушла, участники сборища включили музыку на полную мощность, как это полагается в доме, который заселен людьми, любящими повеселиться, и оторвались от души.

Снова сели за стол. Выпили, закусили, поговорили о пустяках, причем Катя и Оля, Маринины подруги чуть из кожи не вылезли, хвастаясь друг перед другом, как кто из них провел отпуск. Оля проиграла в этом споре. Хоть ее муж и занимался коммерцией, до Катиного мужа, который был набит долларами как пункт обмена валюты, ему было далеко. Сережка Карпухин и Вова Балденков, Маринины приятели, (когда-то они были друзьями ее мужа, но когда тот изменил Марине, они перестали с ним общаться), смеялись над девочками, потому что никогда не имели таких денег, о которых вещали жены бизнесменов, и делали вид, что не понимают элементарных вещей. Потом Катя добила всех, рассказав, как она была в только что открывшемся ресторане, и официант с лицом, на котором отпечатались многочисленные пороки его характера и профессии, лично своими тонкими пальчи-

ками с холеными ногтями чистил посетителям апельсин, а потом уносил кожуру и оставлял на столе только сам плод.

По этому поводу Сергей сострил, что был в ресторане, где официант, даже не успев очистить апельсин, относил его обратно, откуда принес. Шутка, конечно, была глупой, но парни смеялись от души. Потом снова пошли танцевать.

Сергей не был большим любителем танцев и поэтому утащил Валю в ее комнату, чтобы насладиться ее обществом в одиночку. Набитые желудки уложили обоих на кровать, а хмель в голове создал прекрасную почву для романтического настроения. Но только губы влюбленных встретились в сладостном поцелуе, как вошел, нет, ворвался подобно оккупанту Димка и стал умолять Сергея сходить с ним в ванную, чтобы попускать кораблики. Меньше всего сейчас хотелось Сергею заниматься подобным делом. Так он и сказал племяннику своей девушки и без церемоний вытолкнул его из комнаты. Но целоваться больше не хотелось, и Валя с Сергеем решили просто поболтать. Они очень любили сплетничать, как и все влюбленные, и стали мыть кости тем, кто сейчас прыгал в зале. Шум оттуда даже здесь заставлял морщиться, словно от зубной боли.

– Они кричат так, словно занимаются флагагелляцией, – сказал Сергей девушке, стараясь вложить в свои слова как можно больше пренебрежения.

Валя хотя и имела высшее техническое образование, не была настолько эрудированна, чтобы понимать все умные словечки друга.

– А что это такое? – спросила она.

– О, это интереснейшее занятие! – протянул Сергей, словно старый капитан, который вспоминает свои приключения. – Ты знаешь, что такое групповуха?

– Конечно, знаю.

– Гм, откуда это, интересно знать? Ты что занималась этим?

Валя даже не стала отвечать на подобный вздор. Она просто засмеялась. Сергей тоже весело улыбнулся и покрепче прижал подругу к себе, устраиваясь в кровати поудобнее.

– Так вот, это почти то же самое, но на более высоком интеллектуальном уровне. Чтобы возбудить свою угасшую в вечных совокуплениях плоть, флагагеллянты бьют друг друга розгами или ремнями, после чего занимаются любовью с удесагтеренной силой. В прошлом веке это было дьявольски популярно – сечь своих любовников или любовниц розгами.

Валя с обожанием смотрела на Сергея. Она очень любила, когда он напускал на себя умный вид и с учительской интонацией рассказывал ей что-то очень интересное и умное. Она никогда не считала себя глупой и невежественной особой, но рядом с Сергеем она понимала, что ей никогда не обладать таким огромным количеством знаний, как он, и несколько не стеснялась говорить об этом. «Я по сравнению с Сераежей – Здравствуй, дерево», – говорила она своим подругам, и сердце ее сжималось в груди от счастья. Несколько парней, с которыми она дружила до встречи с Сергеем, были невероятно глупы, и это было главной причиной, по которой она расставалась с ними без особого сожаления.

Это было сенсацией, когда они познакомились. Она уже целый год проработала в школе набитой вздорными старухами, старыми девами и неврасгеничками, которыми руководил пьяница директор, толстый, похожий на таракана и с большими рыжими усами. И вдруг появился Сергей. Он пришел сразу после института, красивый и молодой. Слишком даже молодой. Похожий на десятиклассника. Валя и в самом деле вначале приняла его за десятиклассника, потом увидела в его руке диплом и поняла, что это новый учитель.

Их роман развивался бурно и на глазах у всей школы. Сергей не обращал внимания ни на детей, ни на учителей, поэтому проработал в школе только полгода, и за эти полгода поругался с каждым человеком в школе. Но самый сильный конфликт вышел у Сергея с директором. Он сразу понял, что это самое весомое лицо в школе не обладает большим умом, и совершенно не смог скрыть своего открытия от директора. Они ругались полгода. Чудо,

что дело не обернулось дракой. Директор к счастью оказался трусоват, и к тому же всегда находил путь к отступлению. Валя еще вначале поняла, что Сергею с его характером не место в школе. И этим именно все и кончилось. Сергей нашел работу в институте и ушел из школы. В школе все облегченно вздохнули. Но с Валею Сергей продолжал встречаться и любил ее с каждым днем все сильнее и сильнее...

– Флагелляция имеет значительное место в сексуальной культуре европейцев и азиатов, – продолжал умничать Сергей. – Другое дело, что в последние десятилетия прошлого века она была признана сексуальным извращением, и заниматься ею стало постыдно.

Докончить мысль ему опять не дал Димка. Когда он вошел в комнату, Валя и Сергей увидели, что и без того большие синие глаза мальчика были каждый величиной с чайное блюдце.

– Валя, – протянул он вечно канючим голосом, который Сергей особенно не любил, – а что будет, если ребенок выпьет водку?

– Что будет? – недовольным голосом сказала Валя. Она уже была готова рассердиться, что ей опять помешали. – Ничего не будет. Дети от водки помирают. Достаточно чайной ложки. Я знаю один случай... Пстой, пстой, а почему ты спрашиваешь?

Глаза мальчика вдруг наполнились слезами. Он заморгал и стал громко всхлипывать.

– Дима, что с тобой? – Валя привлекла ребенка к себе. Димка уже плакал навзрыд, пытаясь сквозь слезы объяснить, что произошло.

– Я, я – прорыдал он, – я думал, что в бутылке лимонад, а там кажется, там кажется, я выпил много. Я хотел пить, я пить хотел, а мама не давала, «Погоди – говорит, – не видишь, я танцую!» Тогда я сам... Я пить хотел, а там, там... Уу!

Валя и Сергей с улыбками переглянулись.

– Ну, все, – сказал с тихим удовлетворением, словно дождался чего-то важного, Сергей, – теперь тебя уже ничего не спасет.

Димка стал белым как мел. Он задрожал.

– Надо вырвать, – сказала Валя с такими же трагическими нотками в голосе, – и вызвать скорую.

– Ну, скорую, – не согласился Сергей. – Вырвать, конечно, надо, а скорую необязательно.

– А если я умру? – с ужасом произнес мальчик.

– Попробуем тебя спасти, – сказала Валя. – А впрочем, стоит ли? Ты так плохо себя вел, а теперь еще испортил маме день рождения. Вот когда бабушка придет, будет жуткий скандал. Марине влетит. Не уследила за ребенком. Может быть все-таки скорую вызовем, а Сереж?

– Сначала пусть вырвет, а потом посмотрим. Как ты себя чувствуешь? – Последние слова были предназначены племяннику.

Дима выглядел так, словно смерть уже расправила крылья у него за спиной. Он тихо плакал и прощался с жизнью.

– У тебя что-нибудь болит? – спросила Валя. – Голова кружится?

– Кружится.

– Пойдем в ванную.

И Валя потащила мальчика, чтобы заставить его вырвать все, что он проглотил в этот день. День рождения был испорчен. Веселье прекратилось. Прискакала Димкина мамаша, за ней остальные гости, и Сергей со скорбным лицом сообщил им, что произошло. Парни засмеялись, Марина удивилась, а ее подруги стали возмущаться Димкой и говорить, что на взрослом дне рождения детям вообще делать нечего, и что Марина дура, а ее сын исчадие ада.

Валя привела мальчика из ванной и уложила его в постель. Димка лег на спину и закрыл глаза. Сергею захотелось расхохотаться, но он сдержался.

– Его надо укрыть потеплее, – сказала Валя и стала закутывать племянника в плед. Затем она сбегала на кухню и вернулась с намоченным в холодной воде полотенцем. Полотенце она положила Димке на лоб, и тот еще больше стал похож на умирающего, да еще при этом сделал такое лицо, которое сделало бы честь старому опытному актеру.

Все понимали комичность ситуации, но не смеялись из педагогических соображений, и стояли с грустными лицами вокруг больного и наперебой обсуждали, что надо предпринять. Единственным человеком, который не принимал участия в беседе, была Марина. Она стояла, и выражение ее лица было наполнено нетерпением. Видно было, что ей больше всего на свете в данную минуту хочется продолжить танцы, а не возиться с ребенком. Ведь это ее день рождения! Валю это даже возмутило, и она набросилась на сестру с упреками, почему та не дала ребенку попить, когда он попросил. Они чуть не поругались. Старшая сестра не чувствовала себя виноватой, но ее лицо заметно побледнело, когда Валя пригрозила ей матерью Настасьей Филипповной.

Наконец все набросились на главного виновника, ему не досталось на орехи только благодаря его умирающему виду. Димка так горько и обреченно вздохнул после первого же слова произнесенного против него, что добивать его не стали и сразу вспомнили, что его надо не ругать, а спасать. Впрочем, от чего спасать?

В дверь позвонили. В доме сразу запахло грозой. Если дело касалось безопасности внука, Настасья Филипповна становилась опасней шаровой молнии. Она поднимала крик даже тогда, когда видела внука со стаканчиком мороженого в руке. Что будет теперь, никто не знал. Но всем заранее стало плохо. Хуже всех стало Марине, но она приготовилась к атаке. В битвах с матерью она никогда не оборонялась, как делают все нормальные люди, она нападала. Теряла самообладание, нападала и конечно проигрывала. Дело кончалось истерикой, а торжествующая мать без жалости добивала дочь своими неопровержимыми аргументами и обвинениями.

Когда бабушка узнала, что произошло, ее и без того не светившееся радостью лицо исказилось прямо-таки сатанинским гневом. Буря началась. Она продолжалась недолго. Первые же порывы ветра заставили замолчать всех участников злополучного дня рождения, естественно кроме Марины и Димки. Первая не собиралась так быстро сдаваться и складывать оружие, а второй пронзал воздушное пространство комнаты и сердца окружающих жалобными стонами, умоляя их не спорить между собой, а заняться непосредственно его Димкиной жизнью. Валя попыталась примирить две непримиримые стихии – сестру и мать, но ничего у нее не получилось.

Сергей со спокойствием сфинкса наблюдал эту сцену. Накал страстей и переизбыток эмоций напомнили ему романы Достоевского. Тут дело может зайти слишком далеко. Подобные ситуации кончаются либо инфарктом, либо самоубийством, в лучшем случае кто-нибудь сходит с ума. Сергей решил взять все в свои руки.

– Заканчивайте спорить, – сказал он бабушке и маме Валиного племянника. – Сейчас мы с Валею отвеем Диму в больницу, и там ему сделают промывание желудка, раз вы так уверены, что в домашних условиях это сделать невозможно.

– Конечно, невозможно, – всхлипнула Настасья Филипповна. Нотки гнева в ее голосе тут же стихли, а интонации, обращенные к Сергею, которого она считала очень серьезным и порядочным молодым человеком, наполнились мольбой и надеждой. – Алкоголь сразу проникает в кровь. Ребенку достаточно одной чайной ложки, чтобы наступил летальный исход. Я знаю один такой случай...

– Тогда нельзя терять ни минуты, – твердым голосом перебил ее Сергей, и хотя он был абсолютно уверен, что опасности для жизни Димки не существует, и женщины все неверо-

ятно преувеличивают, но раз они так хотят, то пусть он даст им успокоение и промоет желудок племяннику. Он знал, что это очень неприятная процедура, и сердце его заранее наполнилось в предчувствии наслаждения, которое он испытает, когда врачи затолкают в противного мальчишку роковой зонд. – В какой больнице у нас есть токсикологическое отделение?

– В «БСП». В Больнице Скорой Помощи.

Потом Сергей уже не вспомнит, кто сказал эти слова. Впрочем, это действительно мало что изменило бы. Токсикологическое отделение города находилось только в одной больнице – в БСП. Она была не так уж и далеко, всего в нескольких остановках на троллейбусе. Не долго думая, Сергей потащил Валю и ее несносного племянника из дома. Во время поездки молодые люди всласть отыгрались на Димке за испорченную вечеринку, описывая какие неприятности ждут его в больнице. Но мальчик слушал их не особенно внимательно. Он был целиком углублен в свое состояние.

– Ему год назад делали клизму, – сказала Валя, – он думает, что это и есть промывание желудка. Нет, дорогуша, это совсем не то, что ты думаешь. Это намного страшнее!

Дима ей не поверил. Вряд ли на свете есть что-либо неприятнее клизмы. Он всю дорогу молчал и был глубоко задумчив.

– Одно меня радует, – сказала Валя. – Вряд ли после этого он когда-нибудь будет пить водку.

– Ты так думаешь? – усмехнулся Сергей.

Ответить Валя не успела. Водитель объявил нужную им остановку, и они устремились к выходу.

* * *

Вот, что произошло за эти последние часы с теми, кто сейчас обратился за помощью в Больницу Скорой Помощи. Но как расскажешь обо всем этом медсестре с томным и равнодушным взглядом? Врачам и милиционерам надо говорить все только по существу. Сергей рассказал, что во время семейного праздника мальчик перепутал бутылку водки, с бутылкой лимонада, и сделал из нее хороший глоток. Медики – народ привычный ко всему, в отличие от простых смертных, поэтому рассказ Сергея не произвел на девушек никакого впечатления. Они только с ног до головы осмотрели юного пьяницу и поинтересовались, что, собственно говоря, требуется от них.

– Ему надо сделать промывание желудка, – твердым голосом, в котором появились учительские нотки, сказал Сергей.

Девушки еще раз посмотрели на Димку и поняли, что им предлагают вступить против него в педагогический сговор. Усмешка пробежала по их лицам, и девушка с томными глазами сняла трубку телефонного аппарата.

2

– Марья Семеновна? – спросила она через несколько секунд, после того как набрала нужный номер. – Спуститесь, пожалуйста, в приемный. Тут у нас отравление.

Другая девушка тем временем начала допрос:

– Фамилия?

– Венский.

– Кто отец? Вы? – Этот вопрос был предназначен Сергею.

– Нет, я не отец.

– Кто мать?

– Мать осталась дома, – ответила Валя. – Оформляйте на мою фамилию. Вот его страховой полис.

Пока шло оформление документов, Дима не сказал ни слова. Он молчал, и Сергей не увидел на его лице ни тени сомнения или страха. Это его даже слегка разочаровало.

В коридоре зашаркали о каменный пол дерматиновые тапочки. В приемный покой вошла женщина с добрым, редко встречающимся у врачей, лицом.

– Где отравление? – спросила она и воззрилась на мальчика, потому что по виду троих посетителей можно было сразу понять, что отравлен именно он.

Ей навстречу Сергей и Валя вытолкнули несчастную жертву оргий взрослых.

Марья Семеновна внимательно на него посмотрела, и, не говоря ни слова, повела его в соседнюю комнату. Сергей и Валя поплелись за ней. Женщина уложила мальчика на медицинскую кушетку и задрала ему рубашку. Димка вздрогнул, когда холодный металл фонендоскопа коснулся его живота, но потом сразу послушно засопел носом. Пока ничего страшного для него не произошло. Врач посмотрела его глаза, пощупала живот, потрогала лоб. Похоже она не знала что ей еще предпринять. Тем временем молодые люди во всех подробностях рассказали ей, что случилось.

– Вы думаете, что нужно сделать промывание? – с сомнением в голосе спросила она, когда Сергей и Валя замолчали.

– Да! – в один голос, словно сговорились, воскликнули молодые люди.

Марья Семеновна еще раз помяла Димкин живот. Видно было, что ей не больно-то хотелось выполнять свой профессиональный долг, только для того, чтобы отучить малыша от спиртных напитков на всю его будущую жизнь. Но взгляды парня и девушки говорили, что они не примут никаких разумных доводов против необходимости сделать то, что они просят. Женщина вздохнула и сдалась.

– Ну, что ж, пойдемте.

Димка встал с кушетки и оправился. Марья Семеновна взяла его за плечо и направила к следующей двери, которую все трое только сейчас вдруг увидели. Это была даже не дверь, а дверной проем, за которым зиял темнотой очередной коридор. Туда и повела мальчика Марья Семеновна. Валя и Сергей направились за ними.

– А вы подождите здесь, – сказала женщина Сергею. – Пойдет только мать.

Сергею стало обидно. Он, можно сказать, все это затеял, привел Димку сюда, вытребовав для него промывание желудка, и вдруг его самым бесцеремонным образом лишают возможности увидеть плоды своей деятельности. Нет! Так он не согласен.

– Почему это мне нельзя идти? – возмущенно ответил он. – Я его дядя и тоже несу за него ответственность перед его матерью. Нет, я пойду с вами. Мало ли что может случиться.

– Но мы сейчас пойдем в женскую палату, а вам там делать нечего.

– Ну и что? Я постою в коридоре, – Сергей наполнился упрямством и стал подобен ослу.

Врачиха поняла, что лучше с ним не связываться, но все-таки сделала последнюю попытку избавиться от назойливого и ненужного посетителя.

– На вас нет белого халата.

– На ней тоже нет белого халата! – Сергей кивнул на Валю.

Марья Семеновна видимо не была скандалисткой и решила уступить. Обижено отвернувшись, она повела Димку в коридор. Валя шла рядом. Следом шел Сергей. Он был сердит и недоволен и собой и окружающим его миром, полным противных мальчиков и несговорчивых врачей. На Валю он не смотрел, потому что рассердился и на нее за то, что ее в этот раз предпочли ему. Это ранило его самолюбие, и даже когда девушка ласково взяла его за руку, он резко выдернул ее обратно и даже спрятал за спину, хотя прекрасно понимал, что сам ведет себя как обиженный мальчишка. Но он ничего не мог с собой поделать.

Это было уже не в его силах.

Больница изнутри оказалась запутанной еще больше, чем виделось снаружи. Это был просто какой-то лабиринт из коридоров, переходов и лестничных площадок и пролетов. Сергей уже через минуту понял, что обратно он без посторонней помощи выйти не сможет. Поэтому оставалось покорно следовать за Марьей Семеновной по бесконечным дорогам Больницы Скорой помощи. А конца пути вроде и не наблюдалось. Коридоры были бесконечны. Они то поднимались по лестницам вверх, то спускались вниз. Путь был затруднен еще и тем, что больше половины дверей и пролетов по старой доброй российской привычке были или закрыты или загромождены строительным хламом. В больнице, конечно же, шел вечный ремонт, и повсюду валялись или стояли предметы строительного ремесла: бочки, ведра, мешки с цементом и так далее. От этого и без того запутанные коридоры и отделения больницы превратились просто-напросто в настоящие джунгли.

Так они шли наверно минут двадцать, или это им просто показалось, пока, наконец, не пришли в токсикологическое отделение. Из всех отделений, а они прошли наверно все отделения Больницы Скорой помощи, это отделение было наверно самое мрачное. Стены его узких длинных и затхлых коридоров были выкрашены в темно-зеленый, даже больше серый цвет, а двери последний раз наверно красили во время начала правления Хрущева. Они были все ободраны, обшарпаны и давно потеряли свою первоначальную белизну. Потолок, оттого, что на нем горели невероятно тусклые лампы, казался просто черным, а перед входом в это отделение, как Минос перед входом во второй круг ада, сидел за низким и широким столом врач. На него стоило только посмотреть, чтобы сразу расхотелось идти дальше. Он был лысым, но с роскошной черной как у пирата бородой, а лицо его представляло настоящую сеть из морщин глубоких и мелких. По обе стороны огромного мясистого носа были глубоко посажены маленькие серые глазки. Ими он буквально насквозь просверлил пришедших, но не сказал ни слова. Марья Семеновна тоже не стала пускаться с ним в разговоры, лишь слегка кивнула головой и вошла в отделение. Димка, Валя и Сергей за ней. Всем троим, давно уже хотелось убратся прочь из этого заведения и больше в нем никогда не оказываться. Молодые люди уже и сами были не рады, что настояли на этом проклятом промывании. Но было уже поздно. Пути к отступлению были закрыты.

Токсикологическое отделение было запутанным не меньше чем вся эта больница вместе взятая. Женщина, однако, уверено продолжала путь. Наконец она остановилась перед какой-то дверью и вошла внутрь. Перед этим она посмотрела на Сергея так, что тот понял, что ему лучше сюда не заходить. Он впрочем, уже никуда и не стремился. Вошли только трое. Сергей увидел, как за ними закрылась дверь, на которой когда-то была грубо нарисована черной масляной краской цифра «6», и понял, что это палата. На долю секунды молодого человека обдало букетом запахов, в котором угадывались лекарства, человеческие экскременты, просто духота и еще что-то незнакомое, но очень неприятное.

Когда Валя закрыла за собой и Димкой дверь и огляделась вокруг, то сразу поспешила прижать мальчика к себе и спрятать его лицо у себя на животе оттого, что они увидели.

Прямо перед ними лежала, вернее, полусидела, на кровати женщина. Она была укрыта простыней, и вся эта простыня была залита кровью, а лицо женщины напоминало кровавую кашу, так оно все было разбито и изуродовано. Плюс ко всему она еще громко и протяжно стонала, закатив готовые вывалиться из глазниц белки глаз. Волосы ее были встрепаны и наполовину вырваны из головы. Эта женщина видимо побывала в очень большой переделке и представляла собой ужасное зрелище, от которого даже Марье Семеновне стало не по себе.

– Пожалуй, нам лучше перейти в другую палату, – немного подумав, сказала она.

– Я тоже так думаю! – выдохнула Валя и поспешила вытолкать Димку за дверь.

Там их встретил Сергей. Узнав, в чем дело, он удовлетворенно хмыкнул.

– Там мужская половина, – указала назад Марья Семеновна.

– Я о чем и говорил, – торжествующе сказал Сергей. – Он же мальчик, значит, с ним должен быть мужчина.

Марья Семеновна ничего не сказала. Она, молча пошла на мужскую половину. На лице у нее не отразилось никаких чувств. Она не обратила на слова Сергея ни малейшего внимания.

Они поплутали немного, после чего снова вошли в палату. На этот раз на ней была цифра «2». Теперь здесь действительно были мужчины. Они лежали на кроватях и почти все спали. Не спал, а сидел только один молодой человек с отсутствующим взглядом. Увидев вошедших, он оживился и стал раскачиваться на койке, тихо что-то запел. В палате было десять коек, и лишь одна из них пустовала. Она была как раз рядом с этим странным молодым человеком.

Марья Семеновна кивнула на свободную кровать:

– Разденьте мальчика и уложите сюда.

После этого она окинула палату строгим взглядом и быстро вышла. Молодые люди даже не успели ничего сказать. Валя растерянно смотрела на Сергея. Тот посмотрел на странного парнишку и вдруг накинулся на Димку.

– А ты чего стоишь? Не ясно, что ли тебе сказали? А ну раздевайся.

Димка стал расстегивать рубашку. Валя стала ему помогать.

Он все-таки был еще мал, чтобы быстро раздеться самостоятельно. Сергей тоже стал им помогать, и вскоре голый, в одних только белых трусиках, мальчик уже лежал на белой простыне и огромными глазами смотрел на взрослых мучителей. Он уже потерял былое спокойствие и начал страшиться того, что будет. Вся эта суeta не обещала ему ничего хорошего.

Парень на соседней койке перестал раскачиваться и устался на Димку. Его взгляд не понравился Сергею, и он встал между парнем и мальчиком.

Время шло, но Марья Семеновна не возвращалась. В палате было не жарко, и голый Димка начал мерзнуть и покрываться гусиной кожей. Валя увидела это и укрыла его ветхим одеялом, которое было тут же. Но Димка тут же его с себя сбросил.

– Колючее! – проныл он. Как и во всех больницах, одеяла, здесь были шерстяные, и, разумеется, без пододеяльников.

– Я тебе сейчас дам, колючее! – Валя так цыкнула на племянника ставшим вдруг металлическим голосом, что мальчик тут же замолк, и когда тетя вновь накрыла его одеялом, не проронил ни звука.

Прошло еще несколько минут, и Сергей начал терять терпение.

Он начал злиться и нервничать.

– Это просто поразительно, – прошипел он Вале, – я не устаю удивляться нашему стилю работы. Больше всего на свете я ненавижу врачей.

Валя промолчала. Она знала, что в такие минуты лучше воздержаться от каких-либо комментариев. Сергей должен был выговориться в одиночку. И он дал полную волю своему языку. Что он только не сказал про врачей и про Марию Семеновну в частности. Однако это не помогло. Никто из медперсонала не приходил.

– Может, уйдем отсюда? – робко попыталась предложить Валя.

Сергей отрицательно мотнул головой.

– Ну, уж нет! – воскликнул он. – Я сейчас ее приведу.

С этими словами он выскочил из палаты. Валя и Димка остались одни в палате, полной спящих и умирающих людей, которые попали сюда с острыми отравлениями. Девушке стало не по себе. Она вздрогнула, когда из противоположного угла кто-то громко застонал. Она посмотрела в ту сторону и увидела мужчину, который, сбросив с себя одеяло, словно пытался разорвать себе грудь. Видимо у него начался приступ боли.

– Лежи спокойно, – сказала Валя Диме, который попытался привстать, чтобы посмотреть на кричавшего мужчину.

– А почему та тетенька была вся в крови? – шепотом спросил мальчик Валю.

– Не знаю! Ложись и не разговаривай.

– А что со мной будут делать?

– Увидишь. – В этот раз в голосе тетушки уже не было строгости. Она явно сочувствовала племяннику.

* * *

Сергей сделал всего несколько десятков шагов, после чего сразу заблудился в лабиринте коридоров больницы. Где-то в конце одного из коридоров он увидел мелькнувший силуэт в белом халате и розовой медицинской шапочке, как раз такой, какая была у Марии Семеновны. Сергей кинулся туда, и естественно никого не нашел. Он тыкался во все двери подряд, но попадал или в палаты, причем совершенно ему не нужные, или в хозяйственные помещения. Процедурные и перевязочные все без исключения пустовали. Марии Семеновны он не нашел ни в одной из них. Но самым странным было то, что он не встретил ни одного человека в белом халате. Весь медперсонал словно куда-то испарился. Наконец Сергей оказался вообще на другом этаже, а на каком находится токсикологическое отделение, он уже не помнил.

* * *

Старик лежал на каталке и умирал. Он умирал уже два часа. Ровно столько прошло времени с того момента, как две санитарки забыли его здесь в этом темном закутке, а сами куда-то убежали, после того, как их кто-то позвал зычным не терпящим возражений голосом. Они что-то недовольно проворчали, затем сказали старику, чтобы он дожидался их, а сами ушли. Старик прошептал сухими губами им вслед проклятия, но они все равно ушли. Это было для него совсем некстати.

Ах, как все вышло банально! Неужели это он, подобно простым смертным, не поняв приближение смерти, оказался так незащищен перед нею? И как глупо все получилось. Несколько недель он не выходил из дому, а тут вышел, и вдруг так защемило сердце. И он не смог с этим справиться. И от дома ушел слишком далеко. И язык отнялся, чтобы назвать адрес. И хоть бы кто из этих идиотов дотронулся до него! Не один. Словно знали. Словно кто-то невидимый вдруг воздвиг стену между ними и ими. Они стояли и молча ждали неотложку. Напрасно он сел на лавку, а не упал прямо на землю? И санитары оказались слишком приткими. Ублюдки! Он просто не успел. Не успел.

Умирать было тяжело. Особенно сознавать это. И в то же время хотелось, чтобы быстрее все кончилось. То, что он был один, продлевало муки старика. Он лежал на спине и хрипел, потому что ему было трудно дышать. Ему казалось, что он хрипит громко, и его обязательно кто-нибудь услышит. На самом же деле никто кроме него самого этого не слышал. Перед мысленным взором умирающего пробежала вся его жизнь, а прожил он не мало – сто четыре года. До малейшей детали вспомнил он тот день, когда старшая сестра привела его в маленький низенький домик. Ему тогда было пять лет. Домик, который даже ему малышу показался ненастоящим, а игрушечным, стоял на самом краю их городка. Можно даже сказать, что он был за городом. Их встретил старик. У него было такое лицо, словно он ждал их. Сестра показала ему брата. Мальчонка старику понравился, и они стали ходить туда каждую неделю. Сестра говорила ему, что это их дед. И он верил ей. Это теперь он прекрасно понимает, что тогда она обманула его. А потом сестра однажды ушла домой без него и так никогда больше не вернулась. Он остался жить с дедом в его доме. Дед всем говорил, что это его внук, но люди ему не верили, потому что у такого старого человека не может быть такого маленького внука. Но говорить об этом они не решались, потому что боялись старика. Потом они стали бояться и его. Жизнь он прожил бурную, видел очень много и побывал почти везде, где только можно было. Это сейчас он оказался в этом непримечательном крупном городе. Он прожил в нем последние тридцать лет, потому что уже не мог так часто менять местожительства. И тут никто не знает кто он такой на самом деле. И хорошо, что не знают. Он бы и сам об этом не хотел знать.

Нет ничего хорошего в ворошении прошлого. Особенно тогда, когда оно совершенно не было светлым и радостным. У старика прошлое не было светлым и радостным. Напротив, оно было темным, более чем темным. Но самое страшное в его жизни это было то, что он всегда был совершенно один, и вот теперь не кому ему даже подать руки, чтобы он мог спокойно отправиться туда. В голову упорно лезла банальная фраза о том, что вот, настал час, и некому ему подать воды. Хотя не вода нужна была ему сейчас. Не вода.

А оттуда его уже звали. Звали звонкие пронзительные голоса. Он готов был отправиться к ним, но не мог вырваться из собственного тела. Оно весило миллионы тонн, и не отпускало его от себя. Казалось, что тысячи толстых цепей шли от земли и крепко держали его на этой каталке. Каталка была жесткая, и за два часа лежания на ней, тело старика стало невыносимо болеть. Он давно уже забыл восприятие боли. Боль он чувствовал очень давно, наверно лет пятнадцать назад, и вот теперь он снова мучился от боли. Только не мог пошевелить ни единым членом. Глаза его были закрыты, но он и без этого знал, что рядом никого нет. Он это чувствовал. Очень хорошо чувствовал.

А голоса продолжали звать его к себе. Они звали и звали, звучали все громче и громче. В конце концов, они стали такими громкими, что просто наполнили собою все его существо. От них стало больнее даже чем от каталки. Голова уже готова была разорваться, и чтобы как-нибудь убавить боль, старик приподнял ее. Глаза он открыть так и не смог, но и без этого увидел человека.

Он увидел человека. О, как ему нужен сейчас кто-нибудь! Хоть кто-то. Он даже затрясся от возбуждения. Неужели его страдания сейчас закончатся? Главное найти в себе силы и сделать что-нибудь, чтобы этот человек подошел к нему. Кто это? Старик сосредоточился и увидел, опять таки не открывая глаз, что это совсем молодой парень. Мальчишка. Ребенок.

Тем лучше. Старик застонал. Он с трудом разжал губы, по подбородку сразу потекли слюни, а ведь он только что так страдал от жажды, а вот теперь, но он их и не почувствовал. Язык во рту распух, и им невозможно было пошевелить, такой он был большой, шершавый и горький. Все-таки ему удалось издать какое-то подобие звука. Он прислушался к себе, затем

застонал еще раз и с радостью увидел, что мальчишка его услышал и теперь смотрит туда, где стоит его каталка. Смотрит прямо на него...

* * *

Сергею все-таки удалось найти одну старую няньку, но когда он попытался ее о чем-то спросить, она вместо ответа накинулась на него за то, что он ходит по больнице без халата. На вопрос она так и не ответила, а Сергей не стал вступать с ней в спор, а пошел своей дорогой, он боялся, что просто может избить эту бабу, в таком возбужденном состоянии он был. Бешенство просто переполняло его. Он метался по коридорам, словно разъяренный тигр. Вторым человеком, которого он встретил, был тот самый врач, которого он видел у входа в токсикологическое отделение. В этот раз он не показался Сергею таким страшным. Нормальный мужик. Уж он то ему действительно покажет, куда он должен идти.

Бородатый врач действительно подробно объяснил молодому человеку дорогу. Голос у него был низкий, мягкий и бархатный. Сам он был невысокого роста и смотрел на Сергея снизу вверх. У того даже осталось от этой встречи приятное впечатление, и он пошел по очередному коридору даже несколько успокоенный.

Внезапно погас свет, но затем лампы по очереди снова стали светить. Сергей подумал, что это скорее всего обычное явление в этом заведении, и даже не обратил на подобный пустяк никакого внимания. Но через секунду он споткнулся о мешок с песком и чуть не упал. Плохое настроение сразу же вернулось в его утомленную этим бесконечным днем душу. Когда он отряхнул брюки от пыли и мела, которым был испачкан мешок, он увидел, что перед ним опять два коридора, и в который надо идти, он опять не знал. Когда вновь включился свет, то стало светло только в одном коридоре. Другой оставался темным. Но в середине темного коридора что-то белело. Сергею на какой-то миг стало любопытно. Он напряг зрение и стал всматриваться туда. Очень скоро он разглядел обычную каталку, точно такую же, на которых больных возят в операционную, а мертвых в морг. Когда он уже потерял всякий интерес к каталке и готов был идти дальше, в каталке что-то зашевелилось, и до слуха молодого человека донесся какой-то звук, похожий на скрип двери. Сергей понял, что там кто-то есть.

– Кто там? – тихо спросил он.

Ответа не последовало, но звук через секунду повторился. Сергей сделал два шага вперед и увидел, что на каталке действительно лежит человек. Он приподнялся, и Сергей отчетливо увидел силуэт его головы. Он сделал еще пару шагов и разобрал, что это голова мужчины. Очень старого мужчины.

Что он здесь делает?

Старик застонал. Голова его затряслась от напряжения. Он был совершенно лысый, этот старик. Его голова представляла собой просто голый череп обтянутый коричневой, а местами черно-серой кожей. Старик был невероятно стар. Он был больше похож на мертвеца. Глаза у него были закрыты и смотрелись как какие-то черные дыры.

Сергею стало не по себе. Он сделал шаг назад. И в эту секунду старик открыл глаза. Бесцветные, но блестящие даже в темноте, они уставились на Сергея. В них было столько отчаяния, страдания и боли, что Сергей остановился.

– Наверно его тут забыли, – сказал он.

Он сказал это просто, чтобы что-то сказать, даже не подозревая, насколько он был прав в своем предположении. Из-под простыни, которой был накрыт старик, вылезла тощая рука. Она бессильно упала вниз. Старик продолжал смотреть на Сергея. Он явно хотел что-то сказать, но не мог.

Было мгновение, когда Сергею захотелось уйти отсюда. Ему было неприятно смотреть на старика. Каким-то седьмым чувством он понимал, что старик умирает, и смотреть на это было тоже неприятно. Даже страшно. По спине потек холодный пот и, покалывая кожу, побежали мурашки. Но он все-таки остался, потому что не хотелось быть подлецом хотя бы перед самим собой. Он должен что-то сделать. Но что? Надо кого-то позвать.

– Подойди, – старик все-таки нашел в себе силы. Голос у него был такой глухой и низкий, что Сергей скорее угадал, чем расслышал, что он сказал. – Ко мне. Не бойся.

Сергей не смог отказать умирающему. Не известно почему, потому ли, что он был все-таки порядочным человеком, может быть, он просто сделал это от страха, но он подошел к старику и без слов воззрися в его горящие глаза.

– На, возьми! – сказал старик.

Его, только что бессильно висевшая, правая рука вдруг обрела силу и протянулась к Сергею. Пальцы ее были расставлены словно для приветствия.

Человек, особенно мужчина, так устроен, что если ему протягивают руку, то у него сразу возникает первое желание пожать ее. Привычка, приобретенная с годами. Чисто рефлекторно Сергей протянул руку, и старик схватился в нее и сжал. Откуда у него только силы взялись? Старик с такой силой вцепился в руку Сергея, что тот даже поморщился. Это продолжалось чуть больше секунды. После чего рука старика снова бессильно упала вниз. Но лицо старика! Оно вдруг исполнилось силой и озарилось светом и радостью. Он посмотрел на Сергея совершенно ясным и торжествующим взглядом и неожиданно рассмеялся. Он рассмеялся громко, очень громко, и в смехе его Сергею послышалось какое-то непонятное ему торжество. Он ничего не понимал. Ему было противно. Он не ожидал такого. Ему даже показалось на секунду, что старик просто над ним издевается. Он даже вытер руку, которую пожал старик, о джинсы.

Но тот смеялся недолго. Внезапно он замолчал, глаза его последний раз глянули на Сергея, затем они закатились, так что остались лишь одни желтые белки, и старик повалился обратно на каталку. Голова его дернулась и замерла в неподвижности.

Сергей решил, что старик умер. Но проверять свою догадку он не стал. Ему совсем не хотелось в этом удостовериться. Он решил, что сейчас самое время убраться отсюда. Совесть его больше не тревожила, да и пора было возвращаться к Вале и Димке.

3

Сергей торопливо покинул место, где с ним произошла такая необычная встреча, и огляделся вокруг. Он вдруг неожиданно понял, в каком направлении надо идти. Свернул влево, потом поднялся по лестнице и оказался перед токсикологическим отделением. С такой же легкостью он нашел и палату, в которой оставил Валью и ее племянника.

Когда он вошел, то увидел и тех, кого оставил здесь и Марью Семеновну и еще двух санитарок, которые активно готовились к нехитрой операции. Сергей присоединился к ним, и ему тут же всучили большую оранжевую клеенку и велели подстелить ее под мальчика. Валя с Сергеем быстро справились с этим нехитрым делом. Племянник смотрел на них исподлобья, но не говорил ни слова. По его лицу было видно, что он усиленно соображает, что же с ним такое собираются делать. А то, что готовилось, явно не предвещало для него ничего хорошего. Все это действительно ни в малейшей степени не походило на клизму. Марья Семеновна что-то писала в серой истрепанной тетрадке, а ее помощницы стали готовить зонд.

Когда Димка увидел, как санитарки раскручивают зонд, его глаза раскрылись от ужаса. Зонд был похож на огромного тропического питона. Марья Семеновна поймала этот его кроличий взгляд и тоже посмотрела сначала на зонд потом на мальчика. Они явно друг другу не подходили. Их размеры совершенно не совпадали.

– Возьмите другой, – сказала она санитаркам.

– Так мы его и не брали, – ответила женщина с лицом как у цыганки, – нам же не говорили, что ребенку промывание делать.

– Сходите за детским, – велела Марья Семеновна.

Другая санитарка, женщина более молодая, чем первая, но крупная ростом и грубая в манерах попыталась сунуть Димке тот зонд, который у них был.

– Может он и этот проглотит? – наивно предположила она.

Тут уж вмешалась Валя.

– Да вы что, с ума сошли что ли? – возмутилась она. – Он же умрет!

Большой санитарке ничего не оставалось делать, как идти за другим зондом. Теперь стали ждать уже ее. В палате было тихо, только продолжал попискивать раскачивающийся парень. Сергей подумал, что он отравился веселящим газом. Все остальные или спали или были без сознания. Марья Семеновна продолжала писать, Валя поправляла под Димой клеенку, Сергей нервно сжимал губы. Он злился, потому что давно уже пожалел, что связался с этим делом, но поделать или отменить что-либо был уже не в силах.

Санитарка пришла неожиданно быстро. Резким движением она бросила принесенный зонд, который был раза в два меньше первого, на кровать. Марья Семеновна одобритительно кивнула головой.

– Начнем, – спокойным и уверенным голосом сказала она. – Ваша задача держать его как можно крепче. Он не должен шевелиться.

Последние слова были предназначены Вале и Сергею. Они послушно исполнили приказ, и Димка оказался прикованным к постели. Одеяло с него скинули, а у кровати поставили огромный желтый эмалированный таз. Мальчик молчал до того момента, когда перед его лицом оказался наконечник зонда. Большая санитарка попробовала затолкать его ему в рот без всякой психологической подготовки. Это ей удалось. От страха Димка так заорал, что она тут же ловко сунула зонд ему в рот и даже протолкнула его внутрь на несколько сантиметров.

Валя и Сергей с силой прижали мальчика к кровати. Одновременно с этим другая санитарка начала подачу воды. Она думала, что у напарницы все уже давно готово, но она ошиб-

лась. Димка как-то так умудрился повернуть голову, что зонд в его горле застрял и ни на йоту не продвигался дальше. А сам он так орал, что зазвенели окна.

Сергей не подозревал, что Димка может так кричать, хотя он ждал от него чего угодно.

Большая санитарка все еще продолжала проталкивать зонд дальше, как из Димки на нее хлынул фонтан розовой от марганцовки воды. В секунду она оказалась облитой с ног до головы, но даже бровью не повела, до того это было для нее привычно.

Димка дернулся так, что Валя и Сергей даже не смогли его удержать, и зонд из него вылетел прямо на Марью Семеновну. Звуки, которые прекратились, когда пошла вода, после секундного бульканья вырвались из мальчишеской глотки с утроенным количеством децибелов. Всем сразу стало плохо.

Сергею стало хуже всех. Он почувствовал себя эсесовцем, который мучает ребенка. Марья Семеновна побледнела, а санитарки засуетились. Только Валя сохранила полное спокойствие. Ее племянник ничем удивить не мог. Она крепче вжала его в простыню и прошипела:

– Замолчи. Перестань орать! Но ее слова не возымели никакого действия.

Мальчик продолжал орать благим матом. Он крутился и пытался вырваться. До него, наконец, дошло, что промывание желудка – штука, которая во сто крат хуже клизмы.

На секунду медики спасовали. Они растерянно смотрели на кричащего ребенка и не знали, что делать. Но это продолжалось только одно мгновение. Они собрались с силами и снова начали операцию. Большая санитарка вновь подступила к Димке, в этот раз она наивно спрятала зонд за спиной. Но Димка разгадал ее маневр и сразу перестал орать. Он понял, что именно это чуть не погубило его в первый раз, и с силой сжал зубы. Взрослые поняли, что они проиграли.

– Открой рот, – неуверенно попросила его большая санитарка, – и проглоти шланг. Это совсем не больно.

Димка ей не поверил. Он испугано смотрел на врачей и все крепче сжимал зубы. Он был уже весь мокрый от пота и воды, и растрепанный. Ничего кроме жалости он не вызывал. Сергей его, конечно, пожалел, но больше всего он пожалел себя. За то, что попал в эту скверную историю. От больничного воздуха и всего, что его окружало, его стало мутить. Белые халаты врачей даже на мгновение расплылись в его глазах пятнами.

Валя поняла, что в этой ситуации только она одна может что-либо изменить, чтобы продолжить лечение. Она набрала в легкие побольше воздуха и посмотрела на племянника таким взглядом, от которого тот сразу съежился и сник.

– Если ты сейчас же не проглотишь этот проклятый шланг, – тихим, но полным самых жутких угроз, голосом произнесла она, – я тебя оставлю здесь, а сама уйду домой. Понял?

Она говорила это на полном серьезе. Не поверить ее словам было нельзя. И Димка поверил. Слезы обильно полились по его и так заплаканному лицу, но он усиленно закивал головой в знак того, что ради нее он готов на любые мучения.

– Ну, вот и хорошо, – сказала Марья Семеновна.

Димка посмотрел на нее с осуждением, словно она была в чем-то виновна, и открыл рот. Большая санитарка ловко сунула туда конец шланга. Проглотить его Димка сумел не с первого раза. Он подавился и закашлялся. Пришлось шланг вынуть.

– Я не могу! – мальчик заплакал.

Сергей почувствовал, что у него подкосились ноги. Это случилось, когда Димка пытался проглотить зонд. Сергею показалось, что это в него заталкивают этот ужасный инструмент средневековой пытки. Он даже подавился от подступившего к горлу комка. Оказывается он совершенно не приспособлен к подобного рода зрелищам.

– Попробуй еще раз, – все тем же металлическим голосом потребовала Валя.

Сергей первый раз в жизни видел ее такой. Он неожиданно вспомнил, что дети в школе ее очень боятся, и она слывет очень строгой и вредной училкой. Но и с племянником она разговаривала так впервые. Во всяком случае, при нем.

Но Димке видимо доводилось общаться с тетушкой подобным образом. Он смотрел на нее с тоской и болью, но сопротивления оказать не смел. В конце концов, ему все-таки удалось проглотить эту чертову штуковину. Санитарка стала всовывать ее еще дальше. Она проталкивала ее и проталкивала, так что Сергею стало казаться, что она всунула в Димку уже метров десять.

«Это какой-то фильм ужасов», – подумал он про себя.

Зрелище было действительно не для слабонервных. Мальчик напоминал голую розовую рыбину, которую поймали на крючок. Глаза его были выпучены, дыхание прерывистое с тихим присвистом, руки раскинуты в стороны. Марья Семеновна повернула его на левый бок, а другая ее помощница начала лить воду.

Через несколько секунд из Димки полилось. Сергей не смог этого вынести. Он разжал ноги мальчика, которые до этого крепко держал, и отступил чуть назад. Руки его вцепились в железную спинку кровати. Ему надо было бы отвернуться. Просто отвернуться. Но он почему-то не мог оторвать взгляда от мальчика, которому делали промывание желудка. Сергей покачнулся. Ему захотелось вырвать. Но вырвал не он.

Сначала из Димки лилась вода. Она лилась на клеенку и стекала по ней прямо в таз. Марья Семеновна подвинула ребенка ближе к краю, чтобы он поменьше пачкался. И как раз вовремя. Потому что из него пошло то, что он съел за весь этот злополучный день. И без того неприятный воздух палаты наполнился горько-кислым ароматом желудочного сока. На поверхность розовой воды в желтом тазу полилась бледно-желтая жижа. Вместе с нею с всплеском стали падать куски не до конца прожеванной пищи.

Сначала в одном из кусков Сергей узнал салат Оливье, и понял, что он никогда в жизни уже не сможет есть это блюдо. Он уже вспомнил, что и в нем самом немало этого вещества и уже готов был тоже расстаться с ним, как внимание его привлек следующий кусок.

Кажется, это был пирожок с зеленым луком и яйцом. Этого Сергей вынести не смог. Он разжал руки и почувствовал, как уходит куда-то в сторону и вниз пол под ногами. Все, что было перед ним, вдруг расплылось и превратилось в цветной туман с белыми пятнами. Последнее, о чем он подумал, была мысль о том, что все люди в белых халатах похожи друг на друга.

4

Сергей открыл глаза, но долго ничего не мог разглядеть. Все вокруг плыло, и было за какой-то дымкой. Тела своего он не чувствовал, но все равно понимал, что лежит на полу.

Его очень удивило, что все остальные не обращают на него никакого внимания. Словно с ним ничего не случилось. Они, как ни в чем не бывало, продолжали колдовать над Димкой, а в его сторону даже не смотрели. Сергею стало обидно. Неужели его до такой степени ни во что не ставят, что даже его обморок не заставил их отвлечься от их мерзкого занятия. Но он тут же подумал и о том, что наверно с Димкой или совсем плохо или случилось еще что-то страшное.

Сергей захотел встать и даже приподнялся на ноги, но тут у него снова закружилась голова, и он опустился на пол. Все, на что он оказался способен, это оглядеться вокруг.

Ничего в палате не изменилось. Все было по-прежнему. Все также раскачивался на кровати отравившийся газом парень. Валя, врач и санитарки возились с Димкой. На постелях валялись отравившиеся граждане. Они были все в себе. Ничто происходящее их не волновало.

«Хорошенькая вышла история», – подумал Сергей. Он захотел окликнуть Валю, но голос его не послушался. Нет, крикнуть то он, конечно, крикнул, но Валя почему-то его не услышала. Это было странно. Ведь голос его был достаточно громким. Он эхом пронесся по палате. Но Валя его не услышала. И тут вдруг Сергей обнаружил, что и он ничего не слышит из того, что говорили между собой Валя, санитарки и Марья Семеновна. А они что-то говорили. Сергей это видел. Он видел, как шевелились их губы, но они были словно отделены от него толстой стеклянной перегородкой. Он слышал лишь невнятное тихое бормотание. Оно доносилось словно издалека, и поэтому слов невозможно было разобрать. Молодой человек заволновался.

«Может быть, я ударился обо что-нибудь головой, и у меня просто контузия?» – подумал он. В фильмах про войну Сергей часто видел, как солдаты после взрыва ничего не могли слышать. Может, с ним произошло то же самое? Сергей крикнул еще раз. И снова голос его прозвучал достаточно громко и звонко. Достаточно для того, чтобы он сам мог слышать его.

Но Валя его так и не услышала. Сергей решил, что обязательно отомстит ей за это.

– Валя! – крикнул он последний раз.

Только один человек в помещении отозвался на его крик. На самой дальней койке, которая стояла у окна, кто-то зашевелился. Худая длинная фигура сбросила с себя одеяло и села, свесив ноги. Пациент. Он воззрился на Сергея, потом поднялся и побрел в его сторону. Лица его Сергей рассмотреть не мог, но его удивило то, что на мужчине были не больничные халат или пижама, а самый настоящий костюм и голубая рубашка. И на ногах у него вместо тапочек были ботинки.

Мужик встал и пошел к Марье Семеновне и тем, кто ее окружал. Он подошел к ним и стал внимательно смотреть, что они делают. Сергей видел их всех. Он почему-то был на солидном от них расстоянии и поэтому видел всю картину, которую можно было бы назвать «Промывание желудка».

Странно. Как это он смог оказаться так далеко от них? И что это все-таки за мужик? Ему никак не удавалось рассмотреть его как следует. Но что-то в нем было знакомое.

Очень знакомое.

Мужчина тем временем продолжал смотреть на оставленную Сергеем группу. Он был среднего роста и достаточно худощав, чтобы костюм смотрелся на нем несколько нелепо.

Что-то в нем все-таки было знакомое. Мужчина попал в полосу света и стало возможным, наконец, рассмотреть его лицо. К тому же он смотрел теперь прямо на Сергея.

Сергей узнал его. Это был его отец. Он смотрел на Сергея, и на губах его играла знакомая усмешка. Хитрая и веселая. Глаза его тоже блестели хитрыми бесенятами. Сергей очень хорошо помнил этот взгляд.

– Интересное занятие? – отец кивнул на людей, которые занимались Димкой. – Правда оно не всегда помогает.

– Что ты тут делаешь? – Сергей не смог скрыть своего удивления.

– Да ничего не делаю, – ответил отец. – Я тут все время теперь. А ты меня узнал, сынок?

– Конечно, папа, я тебя узнал. Но ты не должен быть здесь.

– А где же я могу, по-твоему, быть?

– Ну не знаю, – замялся Сергей, – Где угодно. Но почему здесь?

– Глупышка, – отец бросил компанию Сергея и подошел к нему поближе. Да, теперь сомнений не было, это был отец, а не кто-нибудь другой. – Меня же отправили в эту больницу, после того... Ну ты понимаешь. Здесь же единственное отделение в городе, где могут спасти после отравления.

– Но тебя ведь не спасли.

– Не спасли. – Согласился отец. – Тут не всегда спасают. Но этого парнишку, я думаю, спасут. Что с ним случилось?

– Он сделал пару глотков из бутылки.

– Уксуса?

– Нет, водки.

Отец рассмеялся.

– Ну это ерунда! От этого еще никто не умирал! Хотя... Я ведь тоже тогда выпил водки.

А это твоя девушка? – он кивнул на Валю.

– Да, – Сергей самодовольно улыбнулся. – Как она тебе?

Отец оглядел Валю с ног до головы оценивающим взглядом.

– Ничего девчонка. Но твоя мать в свое время была куда лучше.

– Поэтому ты сбежал от нее? – Сергей не удержался от сарказма. Он секунду подумал и добавил: – И от меня?

Этот вопрос был отцу явно не по душе. Он сморщился как от зубной боли.

– Тебе меня не понять, сын.

– Да нет, от чего же, мне кажется, что я тебя прекрасно понимаю.

– Я ведь не сам от тебя ушел.

– Что же тогда произошло?

– Так, маленькая нелепость. Мне помогли.

– Кто?

– Нашлись добрые люди.

– Ты хочешь сказать, что тебя убили?

Отец не ответил. Он улыбнулся, в этот раз несколько грустновато. Сергей поймал себя на мысли, что он бредит. Только бред был уж больно ощутимый. Слишком все походило на реальность.

– Ты думаешь, что у тебя галлюцинация? – отец словно прочитал его мысли.

– Да, – признался Сергей.

– Правильно. Я не буду с тобой спорить. У меня тоже в свое время были галлюцинации. Очень интересные образы. Но это было только один раз. Теперь я вижу все, что видят они, – он кивнул на лежащих на койках больных. – Хочешь узнать, что видит, ну вот хотя бы, например этот старик?

– Нет. Я ничего не хочу видеть.

– Хорошо. Не буду. Однако каким ты стал взрослым, Сережа. И ты очень симпатичный.
– Все говорят, что я похож на тебя.
– Я тоже это вижу. Значит, ты не хочешь посмотреть, что видят эти люди?
– Не хочу. – Сергей встал на ноги. В этот раз он сделал это очень легко. – Ты знаешь, честно говоря, я и тебя то не очень хочу видеть.

– Это твое право, – отец сунул руки в карманы, и Сергей увидел, что он действительно очень похож на него. Сколько раз он видел себя таким в зеркале. – Ты вообще меня никогда не любил. Такой был всегда недоступный и противный.

– Кого, ты думаешь, я копировал?

– Ладно, ты опять ерепенишься. Неужели через столько лет у нас будет все по-прежнему?

– У нас? Почему ты так сказал? Ты хочешь сказать, что я теперь как ты?

– Нет. С тобой все нормально. Не волнуйся.

Сергей облегченно вздохнул:

– Вообще-то после того, как тебя похоронили, мне очень часто снилось, что я умер. Знаешь, один раз я даже видел свой собственный памятник. Он был такой маленький, бедный и жалкий. Почему-то мне больше всего не понравился тогда памятник, а не то, что я не живой больше.

– Ты очень тщеславный. Всегда таким был. Но мы отвлеклись. Неужели ты думаешь, что я пришел к тебе, чтобы болтать о пустяках?

– Ты прав, папа.

Сергею было очень трудно выговорить последнее слово. Он совершенно отвык от него. Когда не употребляешь его столько лет, трудно потом проговаривать даже самые простые звуки.

– Но у меня нет больше времени, – сказал отец. – Я и так слишком долго с тобой разговариваю. А так много всего надо сказать. У меня ведь к тебе просьба.

– Просьба?

– Да. Ты должен найти тех, кто меня сюда привел. Найти и привести их сюда, ко мне.

– Я тебе что, Гамлет? – кривая усмешка появилась на лице Сергея.

– Это твой долг. Но если ты не хочешь, я тебя больше беспокоить не буду, – отец обиженно поджал губы. Они у него даже слегка, но очень заметно задрожали.

Сергею стало не по себе. Впервые за весь этот разговор у него по спине пробежали мурашки. Снова стала кружиться голова.

– Я тебе все равно сейчас ничего не скажу. Если хочешь узнать, почему я ушел, приходи сюда еще раз. Только приноси с собой подарок. Так просто я уже к тебе не приду.

– Что за подарок?

– Подумай. Раз ты так хорошо знаешь Шекспира, то обратись к его старшему брату. Он тебе подскажет.

– Какой брат? У Шекспира не было брата. Почему ты несешь всякую ересь вместо того, чтобы все сразу рассказать?

– Так нельзя. Я ведь все-таки не из твоего мира. У меня тоже есть свои тайны. За них ты должен платить кровью. Не своей, не бойся! Но подарок не забудь. Только я сомневаюсь, что ты придешь.

– Конечно, не приду.

– Ладно, мне пора, – отец двинулся опять к той кровати, с которой он встал. – Если все-таки надумаешь, то приходи на то место, где тебя встретил вербовщик.

– Какой вербовщик? Я никакого вербовщика не видел! Постой, папа! Куда ты? Ты еще не все сказал.

– До свидания, Сережа. Очень рад был тебя видеть. Мне так надоели незнакомые и чужие люди.

Сказав эти слова, отец пошел к кровати. Сергей попытался остановить его, но его руки прошли сквозь воздух. Только в эту секунду он понял, что с ним происходит невероятная мистификация. Но даже теперь он не испугался, хотя никогда до этого не имел дела с духами умерших людей. Ему все это казалось просто сном. Во сне обычно подобных вещей не боишься. Страшно бывает только, когда проснешься.

– Папа! – Серей не хотел кричать это, но слово вырвалось само собой.

Отец оглянулся. Сергей хотел броситься к нему, но как это обычно бывает во сне, не смог сдвинуться с места. Отец еще раз улыбнулся, но не остановился. Он подошел к кровати и опять на нее улегся. Отвернулся к стене.

У Сергея от такого к нему пренебрежения вдруг защемило обидой сердце. Он чуть не заплакал. А потом он разозлился и в свою очередь, отвернувшись от родителя, пошел к подруге и остальным. Подошел к койке, на которой все еще изрыгал фонтаны воды Димка, и снова вцепился в холодную металлическую спинку. И снова ему захотелось вырвать, потому что он опять увидел Димку, а под ним огромный таз всякого дерьма. Люди рядом почему-то шевелились медленно как в кино, когда показывают замедленные кадры. И что они говорят, Сергей тоже не мог до сих пор расслышать. И вообще вокруг было так сумрачно, словно на него одели темные очки. Но лампочки все горели исправно.

Дурной сон наяву. Только почему он все прекрасно видит и даже лучше чем как обычно. В глаза бросаются самые мельчайшие детали. И в нос бьет аромат выблеванного зимнего салата.

Сергей закрыл глаза и перестал дышать, чтобы хоть немного не ощущать этих противных и одуряющих запахов.

* * *

Когда он вновь открыл глаза, то увидел, что в палате, где он находился, стало светлее. Через секунду он явственно услышал человеческие голоса. Димкин вопль. Из него вытащили зонд, и он захлебывался от остатков воды, рыданий и слез. В тон ему подвывал парень с соседней койки.

Сергей посмотрел на свои руки. Они побелели, так крепко он вцепился в спинку кровати. Он встретил недоуменный взгляд Вали.

– Что с тобой? – спросила она. – Тебе плохо? Ты чуть не упал.

– Ты уверена, что я не падал?

– Да нет, ты все время стоял здесь. Только побледнел сильно, когда из Димки пошло, да еще закрыл глаза. Не надо было тебе идти с нами.

Сергей ей не ответил. Он оторвался от спинки, за которую все еще держался, и пошел к той кровати, на которой спал его отец.

Тот там и находился, но когда Сергей с силой стянул с него одеяло, он увидел совершенно незнакомое седого мужчину в полосатой больничной пижаме. Тот спал и на бесцеремонные действия Сергея даже не пошевелился. Молодой человек растерянно замер на месте.

– Чертовщина какая-то! – пробормотал он сам себе.

Мужик в пижаме открыл один глаз и посмотрел на Сергея. Сергей на него. Глаз был голубой. Он смотрел на Сергея, и тому показалось, что мужик смотрит на него с хитрецей, словно ему было что-то известно. Он даже подумал, что этот больной сейчас тоже будет над ним смеяться, как тот умирающий старик.

Сергей повернулся и медленно отошел прочь.

Димка был весь мокрый и без трусов, и Валя вытирала его простыней, которую сняла с кровати, на которой его промывали. Сергей подошел к ней. Ему было плохо. Ноги почти не слушались его, хотелось присесть. Но он не дал себе расслабиться и стал помогать Вале одевать мальчика. Тот уже немного успокоился, перестал плакать и только всхлипывал и вздрагивал. Когда он был одет и встал на ноги, то не смог сделать и шага, так его трясло и пошатывало. Пришлось Сергею взять ребенка на руки и понести его словно младенца через всю больницу к выходу.

* * *

Улица встретила их вечерней прохладой. Сергей несколько раз глубоко вздохнул и сразу почувствовал себя лучше. Все, что случилось с ним только что в больнице, показалось ему простым бредом выпившего человека, который попал в обстановку невероятной духоты, да еще одаренного буйной фантазией и развитым образным мышлением.

От троллейбусной остановки Больницу Скорой Помощи отделяла лесополоса. Когда они ступили на тропинку, усыпанную прошлогодними листьями, Сергею послышался чей-то смех. Нехороший такой смех. Словно кто-то чему-то радовался. Чему-то очень нехорошему. Точно также смеялся тот мерзкий старик.

– Ты слышишь? – спросил он Валю.

– Что?

– Ты ничего не слышала?

– Нет. Я ничего не слышала.

– Значит, мне показалось.

Валя посмотрела на него с удивлением, к которому примешивалось беспокойство.

– Ты сегодня какой-то странный.

– Сегодня весь день странный. Не так ли? – Валя промолчала. – Ты и сейчас ничего не слышишь?

– Ты мне хотя бы скажи, что я должна слышать?

Сергей не ответил. Крепко прижимая к себе уже заснувшего Димку, он встал на месте и завертелся, внимательно всматриваясь в темноту.

– Ты что хочешь напугать меня? – В голосе девушки появились истерические нотки. – Это такие шутки, да?

Сергей опять ей ничего не сказал. Но в глазах у него Валя увидела что-то незнакомое, чего она у него никогда не замечала. Зрачки Сергея расширились так, что всего остального в его глазах почти не было видно. А мальчика он так сильно прижал к груди, что тот проснулся и захныкал. Но Сергей словно и не заметил этого.

– Что с тобой, Сережа?! – закричала Валя.

И опять она не получила ответа. А Сергей в это мгновение не видел и не слышал ее. В его ушах все громче и громче звучал смех. Смех был такой торжествующий и пронзительный, что хотелось закрыть уши руками и куда-нибудь спрятаться. Вдруг Валя куда-то исчезла, и он остался один. Сергей почувствовал, что-то холодное у себя на груди. Он скользнул взглядом вниз, и увидел, что вместо Димки у него в руках сидит какой-то совершенно другой ребенок с очень неприятным лицом. Сергей присмотрелся к нему и понял, что это вовсе даже и не ребенок, а лилипут. Карлик. Он посмотрел на Сергея и тоже засмеялся. Сергей с омерзением оторвал его от себя и отбросил в сторону. Карлик жалобно запищал и убежал в лес. Неприятное ощущение от прикосновения к нему, так и осталось вместе с Сергеем. Лес неодобрительно зашумел, увидев, как Сергей обошелся с карликом. Это был теперь не безобидный вечерний летний лес, а бесконечное пространство, засаженное голыми и погиб-

шими деревьями. Дороги не было видно, этот мертвый лес был бесконечен. Между деревьями мелькают какие-то тени.

Сергей закрыл глаза, крепко сжал веки и постарался подумать о чем-то, что могло бы отвлечь его от жутких видений.

Это помогло. Когда он снова открыл глаза, все было по-прежнему. Валя опять была рядом с ним. Только теперь рядом с ней стоял Димка, он прижался к Вале и испуганно смотрел на Сергея.

Сергей тоже уставился на него. Потом на Валю. Девушка смотрела на него уже не с удивлением, а с обидой.

– Ребенка то зачем бросать? – недовольным голосом буркнула она. – Что он тебе сделал?

– Что ты такое говоришь? – не понял ее Сергей.

– Я говорю, что если тебе что-то не нравится, скажи словами, а не срывай свою злость на ребенке!

Сергею вдруг стало обидно. Так! Он, значит, возится тут с ними целый день, чуть с ума не сошел, видит какие-то галлюцинации, а с ним еще и обращаются как с последним идиотом. Злость стала рождаться откуда-то изнутри. Сначала было просто обидно, потом захотелось в свою очередь обидеть Валю.

– Слушай, – сказал Сергей злым голосом, – если тебе надо от меня избавиться, то я и сам могу уйти.

– Не говори глупостей. Тебя никто не прогоняет. Просто не надо так поступать.

– Как поступать? – Сергей уже чуть не кричал.

– Ты его бросил как собаку какую-то. Он же еще маленький. А если бы он ударился головой? Или что-нибудь сломал?

Сергей задумался. Он явно чего-то недопонимал.

– Постой, постой. Ты мне скажи, что произошло. У меня какое-то помутнение просто было. Наверно от всего этого. Больница, эти придурки все, врачи. Ничего не помню, что сейчас было. Как я его бросил?

Валя посмотрела на него с жалостью.

– Бедный Сережа! – Наконец-то она его пожалела. – Я как-то о тебе и не подумала. Ты наверно слишком близко принял все к сердцу. Но ведь ты сам захотел.

Сергей начал оттаивать. Пора было мириться. На улице уже ночь, а они все еще не дошли до остановки.

– Не знаю, что на меня нашло, – он снова захотел взять Димку на руки, но тот прижался к Вале. – Ты не обижайся. Я этого не хотел сделать. Как-то само собой получилось.

Валя что-то ему ответила, и они пошли к остановке. Настроение было подавленным, разговаривать не хотелось. Молча, они дошли до дороги, и сели в троллейбус. Также молча, ехали. Димка держался за поручни и смотрел в окно. Он уже не обижался на Сергея, но тот чувствовал к мальчику маленькую неприязнь. Из-за него он еще ни разу не ссорился с Валею.

Также почти без слов они попрощались у подъезда. Заходить к Вале домой Сергей категорически отказался. Он никого не хотел видеть, а уж тем более ее родственников.

5

В ту ночь Сергей очень сильно напился. Он не выдержал одиночества. Совершенно невозможно было остаться наедине со своими мыслями. Он так и не понял, что произошло между ним и Валей. Поссорились они или нет? И вообще, что с ним сегодня творилось такое? Галиматья, которую не хотелось даже вспоминать, упорно лезла в голову. Старик, призрак отца, этот лес с карликом. Может он сходит с ума?

Лучше всего было убежать от всего этого, забыть этот неприятный день и дожидаться утра. Там все будет по-другому.

Сергей пошел к своему старому приятелю Аркадию Залетову, потому что знал, что этот парень никогда не отказывается, когда ему предлагают выпить.

Выпивка оказалась лучшим лекарством против дурного настроения и грязных мыслей. Аркадий был из тех людей, которые лечат от меланхолии лучше докторов и психотерапевтов. Он к тому же был не жаден и легко расставался с деньгами, поэтому со спиртным у них проблем не было. К трем часам ночи они оба были уже в стельку пьяными и еле-еле добрались до квартиры Сергея. С трудом открыли дверь и вошли внутрь. На кухне выпили еще одну бутылку вина. Это была «Черная смородина». Сергей упал уже после первого стакана. Аркадий допил бутылку в одиночестве.

Утром, когда Сергей проснулся, Аркадия уже не было. Он ушел. Сергей протер глаза и вдруг обнаружил, что он чувствует себя превосходно. Это было необычно. Особенно, если учесть, сколько они выпили. Сергей до пьянок был не крепок и всегда мучился сильным похмельем, даже если и пил не очень много. Сейчас он, как правило, не должен и головы поднять, но он чувствовал себя превосходно. Это было удивительно.

Он встал, совершил все необходимые утренние действия и вновь остался наедине со своими мыслями. Ничего из того, что было с ним вчера, не забылось. Наоборот, память сохранила все до мельчайших деталей. Но не злополучный день рождения вспоминался Сергею, а то, что с ним случилось, или лучше пока сказать, показалось в Больнице Скорой помощи. Перед глазами стоял образ отца.

* * *

Тринадцать лет назад, в июле Сережа был в деревне. Его увезли туда мамыны двоюродные сестры. Они были тогда молодые, незамужние и веселые. Сережа с радостью согласился покинуть на пару недель душный и скучный город, тем более дома была тяжелая обстановка. Папа был в очередном запое, и жить с ним в одной квартире было почти невыносимо. Правда, его не было дома уже несколько дней, но это никого не волновало, потому что было в порядке вещей. Но вместо него в дверь звонили его коллеги по работе и спрашивали, когда он соизволит все-таки явиться на работу. Сергей, ему тогда было тринадцать лет, отвечал им, что понятия не имеет, и что ему глубоко на это наплевать. Правда последние слова он говорил, когда дверь за такими посетителями была уже закрыта. Ему и вправду было тогда все равно. Его не волновала жизнь родителей. Он был занят только самим собой и своими проблемами. А их было не мало. Как у большинства подростков его возраста. Отдых в деревне был отличной возможностью отдохнуть и нравственно и физически.

Но все вышло не так, как планировалось. Из деревни Сергею пришлось уехать уже на следующий день.

Тот день Сергею запомнился на всю жизнь. Он начался так прекрасно. Солнце светило как сумасшедшее, лучше для рыбалки и представить было невозможно. Он пошел на рыбалку с бреднем и своими деревенскими родственниками. Это было здорово. Правда,

рыбы ни одной не попалось, но это не испортило чудесного настроения. После обеда собирались пойти в лес. Но когда вернулись домой и уже собирались сесть за стол, пришел почтальон и вручил телеграмму.

– Сережа, – старшая тетка подошла к мальчику, – у тебя папа умер.

Смысл сказанного не сразу дошел до Сергея. Слишком обыденным показался ему голос, сообщивший об этом.

Потом он прочел телеграмму. «Отправьте Сережу домой. Умер папа». Он не поверил этой телеграмме. Эти несколько строк показались ему лживыми. Это не ему телеграмма. Потом в голову пришла другая мысль. Папа пошутил. Это он сам отправил телеграмму. Для чего? Неизвестно! Просто это его очередная шутка. Он ведь так любит шутить. Причем никогда не стесняется в средствах. Ну конечно это он прислал телеграмму, чтобы испортить ему отдых. Может быть, он просто соскучился по Сергею? Сергей приедет домой, а там отец его встретит идиотской ухмылкой. «Здорово я тебя разыграл?» – спросит он его. И Сергей кинется на него с кулаками. «О, господи! Сделай, чтобы это все оказалась так!» Сергей знал, что это он придумал, но он свято поверил сам себе.

Домой даже не стоило возвращаться. Зачем? Ведь папа жив.

А его уже собирали в дорогу. С ним решила ехать бабушка Галя. Она по-деревенски быстро собралась в дорогу, Сергею тоже не долго было собираться. Вещей при нем почти не было никаких. И вот уже они вышли из дома, сопровождаемые сочувственными взорами теток.

– Не зря сегодня всю ночь Мухтар выл.

Кто это сказал, Сергей не понял и не увидел. Но услышал хорошо и с ненавистью посмотрел на Мухтара – злющего дворового пса, который всю свою жизнь просидел на цепи. Позже, через семь лет, Мухтар взбесится, и его придется пристрелить. Но тогда он безмятежно смотрел на Сергея, к которому уже успел привыкнуть, и чесал задней лапой за ухом.

Дорога в город была долгой. Чтобы только дойти до тракта, нужно было пройти километров восемь пешком, а попуток в это время дня не было. Шли по колхозному полю. Оно растелилось до горизонта, и от этого было похоже на пустыню. Сергею, который еще вчера восхищался бескрайними далями, оно сейчас казалось враждебным. И в то же время он молил про себя, чтобы оно никогда не кончилось. Он готов был идти вечность, потому что знал, что чем быстрее он доберется домой, тем быстрее узнает беспощадную правду. А сейчас можно было жить ложью, которую он сам себе сочинил.

В детстве всегда даже средний путь кажется долгим, но даже и он кончается. Они все-таки добрались до тракта. Солнце пекло нещадно, но ни старая женщина, ни мальчик не обращали на это внимания. Первая потому что просто не ощущала жара из-за старости лет, второй был занят только своим горем. Оно лишило его всякого другого восприятия. Впервые Сергей почувствовал, как сжимается и болит в груди сердце. Это было немножко похоже на состояние, когда сидишь на уроке и ждешь, что тебя вызовут к доске, а ты не выполнил задания. Только сейчас было намного страшнее ждать, когда тебя поставят перед черной доской и заставят выслушать правду. И все-таки надежда еще оставалась с Сергеем. А вместе с надеждой в нем еще жила боль. Эта боль не отпускала его от себя весь тот день. Когда они все-таки добрались до дороги, им очень долго не удавалось поймать попутку до города. Рейсовые автобусы проносились мимо, легковые машины им были не по карману. В конце концов остановился старенький ЗИЛ с голубой кабиной и подобрал бабушку и нескладного подростка. Шофер оказался мужчиной уже зрелым и быстро разговорился с тетей Галей. Сергей всю дорогу молчал и не проронил ни слова, даже когда его о чем-то спрашивали. Ему стало совсем плохо, когда шофер узнал, в чем дело, и зачем они едут в город, погладил его по голове. Впервые на себе Сергей ощутил людскую жалость и понял, что он теперь уже не тот, каким был еще вчера. Теперь он для людей сирота, а значит и разговор у них для него другой.

Он стиснул зубы, но не расплакался, потому что еще верил, что он еще не сирота, а только жертва глупой отцовской шутки. Его вера в этот момент даже переросла в уверенность.

ЗИЛ неумолимо приближался к городу. Цифры на указателях становились все меньше. Но все равно ехали очень долго. Или ему это только показалось? Потом, став взрослым, Сергей несколько раз ездил в деревню погостить, и его удивляло, какой на самом деле короткий путь – всего два часа вместе с дорогой пешком. А тогда это казалось таким долгим. Город появился неожиданно. Машина высадила пассажиров на автовокзале, и водитель взял всего рубль, второй отказался взять наотрез. Сергей понял, что это он из-за него не взял второй рубль, и ему стало еще горше.

Дома никого не было. Квартира встретила их закрытой дверью. Сергей обрадовался. Минута, когда он все узнает, откладывалась еще на неопределенное время.

Но потом все его надежды были разбиты. Они встретили соседку, и та подтвердила правоту телеграммы. Что ж, Сергею стало даже легче. Теперь он знал, что ему больше не на что надеяться. Теперь осталось пережить несколько мучительных дней, пока все не закончится. Вечером он поехал к бабушке в другой конец города, там была мама и бабушка, отцова мать. Отца еще не привезли из морга. Сергею узнал, что его нашли несколько дней назад под стогом сена, совершенно пьяного и без сознания. Его отвезли в Больницу Скорой помощи, потому что налицо было сильное отравление алкоголем. В больнице оказалось, что отравление было не алкоголем, а неизвестным веществом. Отец пролежал несколько дней без сознания, и так как врачи не могли определить, чем именно он отравился, они не могли найти противоядия, он умер в страшных мучениях, так и не придя в сознание.

Общественное мнение причиной смерти назвало самоубийство. Кто-то поговаривал, что отца отравила любовница, кто-то добавлял, что это сделала мать Сергея, не выдержав жизни с горьким пьяницей. Слухи гудели вокруг Сергея как мухи, но он ими нисколько не интересовался. Ему было все равно. Быстрее бы все это кончилось, а эти люди с их притворными участливыми масками разошлись. Смотреть на них было противно. Сергей был близок к тому, что просто ненавидел их. Он чувствовал, что находится в центре внимания всех этих людей, и все они чего-то от него ждут. Чего? Непонятно, но слез, они от него не дождутся.

Похороны. Нет более неприятной вещи для мальчика тринадцати лет. Особенно, если хоронят близкого тебе человека. Сергей увидел грандиозный спектакль, который устроили взрослые. Впервые он увидел все так близко и во всех подробностях. Похороны ему не понравились. Прежде всего они показались ему лживыми и полными всякой не нужной на его взгляд суеты. Бабки его просто бесили со своими церковными штучками. Это его особенно поразило – ритуалы, связанные с религией. Воспитанный атеистически, он вдруг увидел вокруг себя огромное количество людей искренне верующих. И это не бабки какие-то, а нормальные взрослые советские люди, каждый из которых не один раз наверно посещал антирелигиозные лекции и иные мероприятия. Самого Сергея от всего этого поповского смрада чуть ли не тошнило. Поэтому он появился в комнате с телом только один раз, да и то поспешил выйти оттуда как можно скорее.

Это было очень давно. Сергей уже не помнил многого. Вернее делал все, чтобы ничего не помнить. Но вот сегодня он вспомнил все. Словно кадры старой киноленты перед ним пробежали те давние события одно за другим. Но как ни странно теперь они нисколько не волновали его. Да и раньше, честно сказать, они не трогали его сердце. Сергей рос достаточно равнодушным человеком. Его и сейчас волновали только собственные дела.

А ему смертельно захотелось разобраться со вчерашним случаем в больнице. Слишком все ясно и отчетливо виделось. Каждое слово отдавалось в ушах.

Сергей сел на диван и вспомнил все, что было вчера. До последнего слова.

ВТОРОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

1

В начале сентября неожиданно выпал снег. Такого не было, наверное, лет тридцать. Во всяком случае, даже старые люди не помнили, чтобы такое случалось в это время года, когда только что пошли в школу ребяташки. Последние ни о чем не горевали, а радовались вовсю. Воздух был наполнен свежеслепленными снежными комками и радостными криками и визгами. Иногда среди детских голосов вдруг явственно раздавался громкий плач. Наверно кому-то съездили снежком по физиономии.

Только у Больницы Скорой помощи было тихо. Полоска, засаженная деревьями, не пропускала сюда из города почти никаких звуков. Хотя тут и было всего каких-то полсотни шагов. Деревья служили хорошим природным звуковым фильтром. Больным и врачам необходима тишина. Тишина и покой.

По тропинке, которая вилась между деревьями и вела к Больнице Скорой помощи, быстрым шагом шел молодой человек. Можно сказать юноша. На вид ему не было и двадцати, хотя на самом деле парню было уже двадцать три, и он был женат. К своей жене, которая лежала в отделении для беременных, он и спешил. В руках у него была старомодная авоська, в которой была нехитрая снедь. Апельсинов и бананов в ней не было. Денег на такие деликатесы у молодого человека не было. Зарабатывал он немного. Хлеб, банка жареной картошки, кусок полукопченой колбасы, несколько зеленых яблок, все, что было в авоське.

Было два часа дня. Молодой человек знал, что идет в неположенное время, но все равно шел, надеясь, что ему повезет.

Ему не повезло, дверь была закрыта. Молодой человек выругался и пнул ее ногой. Лицо его побелело от гнева. Больше всего на свете он не любил ходить по больницам. Но делать было нечего. Он отправился на поиски другой двери, которая была бы открыта, чтобы попасть туда, куда ему нужно. Через некоторое время он нашел то, что искал и проник внутрь больницы. Он прошел через коридор и, никого не встретив, облегченно вздохнул. Он чувствовал себя скверно, потому что находился на чужой и враждебной ему территории. Любой, кто носит белый халат, мог выкинуть его отсюда как шелудивую собаку.

И это после стольких лет демократии!

В больницах демократией и не пахло. Напротив, если раньше эти нелепые больничные правила можно было оправдать любовью к порядку и заботой о пациентах, то сейчас они ничего кроме как инструмента для издевательств над людьми не представляли.

Маша лежала уже неделю, и за эти дни он столько натерпелся от работников этого заведения, что до сих пор не понимает, как он до сих пор не сошел с ума или кого-нибудь не убил. Да это было загадкой. Но так уж получилось, что не может он делать что-нибудь как все нормальные люди. У него всегда все получалось так, что обязательно кто-нибудь вмешивался и все портил. Особенно настроение.

Вот и сейчас он ждал, что встретит кого-нибудь, кто обязательно поинтересуется, что он тут делает.

Но ему повезло. На его пути никто не встретился, и он благополучно добрался до отделения гинекологии. Дверь, как и следовало, ожидать, была закрытой, но это его не обескуражило. Он видел и не такое. Молодой человек встал у двери и стал внимательно наблюдать, что за ней творится. Как терпеливый охотник он чего-то ждал и дождался. В щелку он увидел мелькнувший халатик, цветом напоминавший салат из морковки.

– Девушка! – как можно громче зашептал молодой человек, приставив губы к замочной скважине. – Девушка!

Хорошо, что больные, как и все лишенные свободы индивидуумы, солидарный народ. Девушка его услышала. Она остановилась и сделала вид, что о чем-то задумалась.

– Позовите, пожалуйста, Машу Александрову! – вновь отчаянным голосом зашептал молодой человек. – Она в шестой палате!

Девушка слегка кивнула и ушла. Сергей стал ждать. Сегодня ему повезло. Он почти сразу добился своей цели. Почти не пришлось ждать. Обычно в тихий час можно и сорок минут ожидать, чтобы кто-нибудь прошел мимо.

В тишине больничного коридора слышались слегка шаркающие шаги. Это были Машины шаги. Он научился различать их безошибочно.

– Женя! – услышал он шепот. – Женька, это ты?

– Маша! – задохнувшись от счастья, ответил он.

– погоди, я сейчас выйду! Женя облегченно вздохнул и отошел от двери. Он уже приглядел маленький темный коридорчик, где они сейчас уединятся. Маша тем временем возилась с дверью. Она отворила ее и проскользнула в узенькую щелочку в объятия мужа.

– Маша! Машенька моя!

– Женечка!

Он обнял ее и крепко прижал к себе. Когда он ее увидел, маленькую, худенькую, без косметики, не завитую, в старом бедном халатике, с зареванными глазами, его сердце переполнилось жалостью и любовью. И все равно она была красивее всех на свете. Он поцеловал ее в губы и долго не мог оторваться. Она льнула к нему и тихо постанывала. А он думал, о том, почему он такой невезучий, что даже когда женился, то буквально через два месяца, его молодая жена покинула его и скрылась в этой больнице. Это было ужасно. Он так страдал без нее. Он не мог жить! От одиночества его разрывало на части. Он не мог спать один в постели, двуспальная кровать, все, что они смогли купить со свадебных денег, казалась ему огромной и пустынной. И секс тут был абсолютно ни при чем. Ему просто не хватало ее рядом. Он еще не успел насладиться ею, ощущением того, что они всегда вместе. И от этого было больно. Жене казалось, что его коварным образом обманули. Дали счастье, и тут же его отняли.

– Как же я тебя люблю! – он смотрел на нее и не мог насмотреться.

– Ты опять не можешь прийти вечером?

– Не могу. Этот день он работал, и даже сейчас с трудом смог сбежать с работы на часок, чтобы проведать жену. Маша обиженно надула губки. Казалось, они сейчас задрожат. Но они не задрожали, Маша просто сделала вид, что обиделась. На самом деле она прекрасно все понимала.

– Ты снился мне всю ночь, – сказала она. – А еще мне снился мальчик. Хорошенький такой! Похож на тебя.

При упоминании о ребенке Женя скривил губы как от зубной боли. Увидев это, Маша резко от него отстранилась. В ее огромных глазах была боль. Женя увидел ее и поспешил сделать довольное лицо.

– Вот и хорошо. Ты же знаешь, как я хочу мальчика.

– Ты никого не хочешь, – Маша сказала это с горькой обидой в голосе.

Где-то она была права. Но Женя не столько не хотел этого ребенка, сколько считал его главной причиной того, что они не вместе, и поэтому он не мог не скрыть своего безразличия к тому, кто находился у его женщины в животе. Маша от этого жестоко страдала. И опять пришлось обманывать ее и убеждать, что он умирает, хочет, чтобы у них родился ребенок, что он ждет, не дожидается его и так далее. Маша всему верила. Или делала вид, что верит.

Она тоже страдала от того же, отчего и ее муж, но к страданиям от разлуки с любимым примешивалась еще боль и страх за то, что с ней происходило.

Когда она узнала, что беременна, то счастьем не было конца. Больше всего на свете она хотела ребенка. Ребенка от Жени. Это было бы пределом ее счастья. Только сейчас она смогла осознать, насколько они близки с Женей, и насколько дороги друг другу. Только сейчас она смогла почувствовать нутром, сердцем и душой, что они с мужем одно целое. Неразделимая и самая прочная на свете цепь связала их между собой. Казалось, теперь они всегда будут вместе.

Но они оба были до ужаса невезучие. Прямо как во французском фильме с Пьером Ришаром в главной роли. А уж такое дело, как беременность тем более не прошло у них как у всех. Сразу возникли осложнения, и чтобы не потерять ребенка, Машу отправили в больницу. Она послушно пошла прямо из гинекологического кабинета, даже не зайдя, домой за вещами. Позвонила мужу на работу уже из больницы и дала ему список вещей, которые он должен был ей принести. Голос у нее дрожал, из глаз ручьем текли слезы. Это было в первый раз. Как раз закончился их медовый месяц.

Женя пришел в больнице с двумя сумками, губы у него дрожали от обиды, сам он был весь белый. Маша даже испугалась за него.

Чего он только не наговорил ей, в чем только не обвинил. Тогда в первый раз, когда Маша легла в больницу, Женя готов был убить ее. От злости. За то, что она решила без него этот вопрос.

– Как ты могла, не спросив меня, уйти из дома?

– Но ведь мне срочно надо было лечиться!

У женщин всегда неопровержимые аргументы. Жене оставалось только кусать губы от досады. Что он мог сделать? Он все понимал... разумом, но не душой. Он вел себя просто как маленький мальчик, которого оставила мама. Он хотел быть рядом с ней, все остальное его не касалось. На все ему было плевать. Но с ним и обращались как с маленьким мальчиком. «Маму» ему не возвращали, а только успокаивали и просили не плакать. От этого Женя готов был сойти с ума, и своим поведением причинял Маше дополнительные страдания. Его истерики, а это были самые настоящие истерики, передавались ей, и после каждой встречи с мужем, она возвращалась в палату разбитая и расстроенная. Начинало болеть в животе и ниже. Ей не верилось, что она сможет доносить ребенка. Становилось страшно и горько. Было очень плохо осознавать, что между нею и мужем теперь что-то есть, что их разделяет.

Лечение было отвратительным. Лучше всего сказать, что его не было вовсе. В больнице отсутствовали элементарные препараты и лекарства. Первые три дня ей вообще ничего не давали, словно ее и не было, и она поняла, что торопилась зря. Спешка ничего не дала, только испортила их отношения с Женей. Кормили еще хуже, чем лечили, а Маша была большой обжорой, и просила родственников тащить ей как можно больше еды. А Жене уже два месяца не платили зарплату. Было очень трудно.

Но самую страшную роль опять сыграла Женина невезучесть. В больнице его стал преследовать просто какой-то рок. Почему-то он привлекал к себе внимание всего медицинского персонала. Все вокруг нарушали больничные правила. Все. Но докапывались почему-то только до Жени. Его интеллигентное, даже слегка аристократическое лицо всем говорило, что этот молодой человек никого не сможет как следует обхамить. Поэтому никто не боялся делать ему замечания. Женя от них просто взрывался, после чего как правило следовал скандал.

Чаще всего замечания делали санитарки. Женю это больше всего бесило, он сразу набрасывался на того, кто ему что-то сказал, и выливал на него ведро словесного дерьма. Но санитарки чаще всего даже не понимали его изящного благородного оскорбления и продолжали требовать покинуть тот или иной уголок, в котором находили приют Маша и Женя.

Скандал Женя всегда доводил до апогея. Или победа, или позорное поражение. Последнее было чаще. Бюрократические стены были непробиваемы. Любой, кто здесь работал, считал себя начальником, и Женя ничего не мог с этим поделать. Но борьбы не прекращал.

Самым опасным участком этой войны была входная дверь, которая словно по волшебству то не пускала посетителей, ставя на их пути очередного Цербера, вернее Церебершу в белом халате, то наоборот пускала внутрь без всяких помех, причем угадать, когда будет так, а когда иначе, было невозможно. Это была своеобразная игра. Только ставкой здесь было, увидит или не увидит Женя Машу, обнимет он ее или нет. А не увидеть жену было выше Жениных сил.

Однажды, когда очередная дракониха не пустила Женю внутрь, он чуть ее не убил. Еле сдержался. Обежал всю больницу кругом, проник внутрь через совершенно другой вход и все-таки добрался до гинекологического отделения и вызвал Машу. Когда он ее увидел, то срывающимся от бешенства голосом и пеной на губах, приказал ей собирать манатки, потому что решил увести ее отсюда.

Маша конечно вещи собирать не стала. Вышла к мужу, увела его в какой-то тихий закуток и долго, чуть не со слезами на глазах убеждала его успокоиться. Он не хотел ее слышать, твердил свое. В конце концов, Маша разрыдалась. Только это подействовало на Женю отрезвляюще. Он успокоился и понял, что эту женщину ему не сломить ничем.

Он сломался сам. Сломался и смирился. Только ему стало обидно, что у Маши есть что-то дороже, чем он. Поэтому он стал относиться к будущему своему ребенку с ревностью и неприязнью.

Теперь он должен был скрывать перед женой свои истинные чувства, потому что очень любил ее. Теперь, когда она лежит в больнице во второй раз, он ведет себя совсем по-другому. Те ошибки, которые он совершал в прошлый раз, он старается не повторять. Даже научился сдерживать себя, когда ему делали замечания. Теперь они с Машей просто меняли место и находили другое, чтобы побыть вместе. А вместе они сидели по несколько часов. Так всем примелькались, что на них некоторые обитатели больницы уже перестали обращать внимания, другие все же не могли смириться с тем, что эти молодые люди продолжают нарушать правила и нападали при первой возможности. А возможностей было много. Женя почему-то всегда приходил в неположенное время и встречался с женой в неположенном месте. Только теперь молодожены старались не обращать внимания на своих гонителей, вот и теперь, когда одна бабка, поднимаясь по лестнице с ведром, подняла визг, они просто спустились на этаж ниже. Крик ее еще доносился до них, но они его не слушали, потому что не могли наговориться друг с другом. Так у них было всегда. Каждый день они встречались так, словно не виделись неделю.

Но бабка эта, она попала им в первый раз за все это время, оказалась настоящей стервой. Она вернулась и была не одна. С ней был врач. Это был самый строгий врач во всей Больнице Скорой помощи. Звали его Егор Васильевич. Он был из отделения хирургии, и был его заведующим, но знали его в больнице все. Знали и боялись. Больше всего боялись его взгляда. Егор Васильевич всегда смотрел на людей свысока и столько злости было в его взгляде, что казалось, он ненавидит весь свет.

Вот и сейчас он посмотрел на молодых людей, смерил их с ног до головы этим своим взглядом, затем голосом, не допускавшим возражений, потребовал очистить помещение.

Этого Женя вынести не смог. Он уже хотел сказать пару ласковых этому типу, но Маша схватила его за руку и потащила прочь. Откуда только силы взялись? Ей даже показалось, что она сейчас упадет и с ней случится самое страшное, что может случиться с беременной женщиной. Но она знала, что если Женя поскандалит с этим человеком, то тогда это с ней обязательно случится. Она знала все слухи про этого человека, которого видела всего один раз, когда он ходил с проверкой по их отделению. А слухи эти были самые невероят-

ные. Говорили, что он гениальный хирург, но очень страшный человек, потому что погубил всю свою семью, и делает какие-то запрещенные опыты над больными. Пусть даже это все сплошная чепуха и глупые слухи, но Маша совсем не хотела, чтобы Женя связался с этим человеком. В конце-концов, это ведь не просто с санитарками ругаться. Он просто вышвырнет ее из больницы, и этим все кончится.

Маша рассуждала разумно. Еще быстрее она действовала, и не успел Егор Васильевич глазом моргнуть, как нарушителей спокойствия и след простыл. Он даже крикнул с досады. Очень редко было, чтобы так быстро выполнялись его распоряжения. Обычно приходилось говорить по несколько раз. Заведующий хирургическим отделением вздохнул и пошел к себе в кабинет. Его ждали великие дела.

– Я эту бабку сейчас найду и прибую, – сказал Женя супруге, когда они вновь спрятались в очередном темном уголке. Этих уголков они знали здесь уже не менее полутора десятков. Но каждого хватало максимум на десять минут. Это они знали по горькому опыту.

– Только попробуй! – пригрозила Маша.

Женя сморщился, но спорить не стал. Сегодня у него было мирное настроение. Ругаться ни с кем не хотелось. Он посмотрел на жену, та потянулась к нему, и дело кончилось поцелуем.

– Я сегодня ночью так хотела, так хотела, – простонала Маша, когда получила для этого паузу, – просто вся извелась.

Это была старая песня. Женя знал ее наизусть. Что толку об этом говорить? Он тоже хотел. Всю ночь проспал с подушкой между ног.

– Кто тебя просит торчать здесь в больнице по три месяца? – огрызнулся Женя.

– Ты опять? Ну, давай, я уйду отсюда! Ты же этого хочешь? Маша сразу стала похожа на сердитого ежика.

Женя не ответил. Это был их привычный диалог. Женя никогда не мог удержаться, чтобы не упрекнуть Машу, та всегда отвечала с истерикой в голосе. И Женя отступал. Тогда в первый раз он несколько раз довел Машу до слез, и та выбегала из больницы в одном халате, и ему приходилось просто ее ловить и вести обратно, хотя в душе ему смертельно хотелось увести ее домой. Но он ломал себя. Все ради любимой. Он так любил Машу, что даже мог ради нее ломать себя. Этого он ни для кого не мог делать. А для нее мог. Что сделала с ним эта женщина! Он сходил от нее с ума.

А ей нужен был только ребенок.

Это он так думал.

– Как ты себя чувствуешь?

– Очень холодно в палате. Я мерзну. Во все окна дует. – Маша была страшная мерзлячка. Женя иногда даже думал, что она притворяется. Он никак не мог поверить, что можно так мерзнуть. А Маша мерзла, даже когда они были вместе в постели, под ватным одеялом, она кричала, что ей холодно и прижималась к мужу всем своим горячим как уголек телом. – Я наверно простудилась. Сегодня все утро кашляла. Купи мне пиктусина.

– У меня ни копейки денег нет.

– Возьми у мамы.

– Сколько можно у нее брать?

– Конечно, – Маша тут же надулась. – Пусть я лучше заболею. Да? Ты ведь этого хочешь. Только и ждешь этого. Чтобы я заболела так, что без антибиотиков не смогла выздороветь. Ты ведь знаешь, что нельзя при беременности пить антибиотики.

– Ладно, не злись, маленькая злочка, – попробовал успокоить ее Женя. – Я что-нибудь придумаю.

– Купишь пиктусин?

– Куплю, – вынужден был отступить под ее напором Женя.

Они еще стояли два часа. Два раза их шугали, и они меняли место. Болтали обо всем и не могли наговориться. А когда не было что сказать, просто стояли и молчали. Им и этого было довольно, чтобы чувствовать себя не такими несчастными.

Но вот наступила минута, когда Женя должен был уходить.

– Я и так сильно задержался. Вдруг проверили? А меня нет.

Будут неприятности.

– Тогда конечно иди. – Маша последний раз прижалась к мужу и обвила его шею руками. На глазах у нее как у маленькой девочки тут же заблестели слезы. В ней было столько детского, незащищенного, того, за что он так ее любил. – А то тебя уволят. Мы с тобой тогда вообще с голоду умрем. Ты ходил на биржу? Отметился за меня?

– Ходил. Только она меня не приняла. Сказала, чтобы ты потом показала ей больничный. Этого достаточно.

Маша расстроилась. Вздохнула, сразу об этом забыла, потому что надо было расставаться. Они поцеловались еще несколько раз, затем Женя пошел к выходу.

А за окном было уже темно. Они и не заметили как прошли эти несколько часов. Так же они не замечали времени и полгода назад когда бродили по заснеженным городским улицам. Весна тогда так долго не хотела начинаться. Маша прилипла к стеклу и долго всматривалась в синюю темноту, даже когда фигурка Жени исчезла в черноте деревьев, словно проглоченная ими. Маше не нравились эти деревья. Особенно по ночам, когда от ветра они качались, шумели и трещали, словно на что-то жаловались. Или может они пытались кого-то напугать? Сейчас они еще не были такими неприветливыми как обычно, потому что были засыпаны снегом. Маша посмотрела на покрытую белыми кусками землю и поежилась от холода. Не было теперь рядом того, кто мог бы ее согреть. От кого бы она смогла согреться.

Внутри кто-то шевельнулся. Маша вздрогнула. Она вспомнила, что не одна, и ей сразу стало легче. Но она испугалась, что ребенок может замерзнуть, и побежала к своему отделению, от которого они с Женей сильно отделились.

Она уже изучила все больничные ходы и выходы и чувствовала себя в этом лабиринте вполне свободно. До своего отделения она добралась без происшествий, юркнула в свою палату и нырнула в постель.

– Где ты бродишь? – зашипела на нее соседка Таня. – Тут к тебе сестра три раза подходила. Тебе же капельницу делать.

Маша ахнула. Про капельницу она забыла, и так как к процедурам относилась со священным трепетом и почтением, то быстро побежала в процедурную комнату и покорно выслушала все, что о ней думает медсестра. В отличие от Жени, она с врачами и сестрами никогда не ругалась. Для нее они были такими почтенными лицами, как для искренне верующего монаха, епископы и папа.

После капельницы она пошла на полдник. Если конечно можно назвать полдником стакан слегка подкрашенной теплой воды и кусок черного хлеба величиной с ладонь новорожденного ребенка. Спасибо и на этом. Маша проглотила свою долю со скоростью цапли глотающей лягушку и вернулась в палату. Бухнулась на постель и тут же укорила себя за резкое движение. Она иногда забывалась и вела себя все также по-детски.

– Ну, ты сегодня даешь! – воскликнула Таня. – Три часа была со своим.

В голосе ее даже прозвучала зависть. Ни к кому из женщин мужа не приходили так часто и так надолго, как к Маше Александровой. Но и самой Тане грех было жаловаться. Не к ней бегал муж, а она бегала к нему. Смело сбегала из больницы и возвращалась через несколько часов, а то и на следующий день, если уехала вечером.

– Он у меня не может без женщины, – говорила она подругам по лечению.

Муж у нее был армянин по имени Ашот. Маленький, страшненький, кривоногий, но очень страстный. Когда он приходил в больницу, то сразу заваливал в отделение и громовым голосом кричал в коридор:

– Лосева! На выход!

Лосева, это Танина девичья фамилия, по которой она лежала в больнице. По закону она уже была Карапетян, просто еще не успела поменять документы. Но эта фамилия шла ей куда больше чем армянская. Она была крупная породистая девка, и в палате ее сразу прозвали Лосихой. Она знала про это прозвище, но не обижалась, потому что была первая веселячка в палате, и без нее наверняка все давно умерли бы от скуки и тоски.

Не услышать призыв Ашота было невозможно, так звонко он прокатывался по коридорам. Танька вскакивала с кровати и как бешеная бежала к мужу.

– Ну что ты орешь? – кричала она не менее тихим голосом. – Тут ведь тебе не горы, а больница!

– Зачем шумишь? Зачем ругаешь? Я по тебе соскучился.

Он прижимался к жене, как хороший сын к матери, и крепко обнимал ее. Затем огромной ладонью при всех, кто был на площадке для свиданий, гладил ее вздувшийся живот и что-то бормотал по-армянски. Танька хохотала и говорила всякие глупости. В общем, шуму от них двоих было предостаточно. Потом, когда Лосева возвращалась в палату, она развлекала девчонок рассказами о том, как они живут вчетвером: она, Ашот, ее мама и злобный бультерьер Рамзес. Особенно она любила повествовать об их сексуальных играх, на которые Ашот был неутомимый выдумщик. И о таких вещах болтала не только она одна. Все не смущаясь, рассказывали про своих мужей и про себя, все без утайки. Только в больницах и на вокзалах даже самые скрытные люди так свободно развязывают языки, потому что думают, что уже никогда не встретятся им на жизненном пути эти люди, ставшие на время спутниками их существования. Чаще всего так оно и бывает.

Вот и сейчас Таня лукаво смотрела на Машу.

– Мой то, сегодня ночью опять меня увезти грозился.

Маша покачала головой.

– Как ты не боишься? Мало ли что может случиться?

Маша была уверена, что все девять месяцев заниматься сексом нельзя, и очень удивлялась, когда видела, как остальные нарушают это святое правило.

– А, – отмахнулась Танька, – по фиг мне все. Выкидыш так выкидыш! Конечно, Ашот расстроится. Ты же знаешь, что они, кавказцы детей до смерти все хотят, и чем больше, тем лучше. У него спермы целый вагон. На целую армию хватит. Он до меня весь рынок перетрахал. В какой двор не зайди, обязательно маленький Ашотик бегаёт.

Маша прекрасно понимала, что Танька преувеличивает. Не могла она поверить, что на такое страшилище, каким она считала Ашота, кто-нибудь может позариться. Но по доброте душевной и просто из деликатности молчала. Танька продолжала тараторить. Она считала себя Машиной подругой. Они не только лежали на соседних койках, но, как оказалось, кончили одну и ту же школу. Маша шесть лет назад. Лосева год назад покинула то же заведение, но выглядела старше Маши чуть не на десять лет. То, что они кончили одну школу, конечно, сблизило их больше, чем это полагается при шапочных знакомствах. Можно было бесконечно болтать о школьных делах, общих учителях. Маше, конечно, было интересно узнать, как работают давно забытые учителя, кто чем живет, кто вышел замуж, кто развелся, кто ушел на пенсию и так далее. В свою очередь, узнав, какие они сейчас стали, Маша рассказывала Тане, какими они были. И они сравнивали. Это было самое настоящее женское занятие – заниматься сплетнями. Очень хорошо сокращает время, которое в больницах, как известно, умеет растягиваться до бесконечности. Одна только история про богатую учительницу географии по прозвищу Бяша, которая распродала все свое имущество и уехала в Израиль к

племяннику, где сошла с ума от нищеты и бедности, заняла их не на один томительный вечер. Маша рассказывала всей палате, про Бяшу, ее славное «боевое» прошлое, а Таня Лосева о том, как учителя делили имущество, которое осталось после Бяши, потому что наследников у нее здесь не было, а в Израиль с собой все это было не утащить. При чем первыми побежали те тетеньки, которые больше всех орали на уроках и классных часах о порядочности, честности и бескорыстности. Они все жестоко между собой передрались и переругались, были выдернуты не один клочок волос из седых голов, и вылито не мало словесного дерьма на эти же головы.

Сегодня разговор снова пошел про школьные дела.

– Ко мне сегодня подруга приходила, Юлька Семенова. Она тоже десятую кончила, только на год раньше, чем я. Так она тебя знает.

– Откуда? – удивилась Маша. – Я ее никогда не видала.

– Зато она тебя помнит. Ты же ведь в школе звездой съездов, слетов и линеек была. Она больше твой голос помнит. Она мне про нашу директрису рассказала.

– Про Алену?

– Ну да, про нее. Ты знаешь, она ведь умерла.

– Как умерла?

– А так. Полтора года назад.

– Она же уже не работает давно.

– Ну и что! Она на пенсии была. Ты ничего не слышала об этом?

Маша покачала головой. Таня оживилась.

– Я тоже не слыхала. Она прямо на улице упала.

– Да ну!

Машино удивление было неспроста. Точно так же двенадцать лет назад умер старый директор. Только не на улице, а в автобусе его хватил удар, и он умер. Люди думали, что он спит, и покойник сделал не один круг, пока все-таки до кого-то не дошла, наконец, истина. Маша тогда, как отличница даже стояла в почетном карауле на похоронах. Поэтому она так удивилась, услышав про Алену. И остальные лежащие в этой палате наострили уши. Истории про десятую школу им были уже хорошо известны.

– Да-да! – продолжала Лосева-Карапетян. – Привезли ее в больницу без сознания.

– А в какую больницу? – спросил кто-то. – Уж не сюда ли?

– А не знаю! – Танька отмахнулась. – Может и сюда. Так вот, у нее оказался менингит. Она две недели в больнице провалялась, в сознание так и не пришла.

– Умерла?

– Ага. Но это еще не все. Вы же знаете, что у нее никого в этом городе нет? – Это знали все. История про Алену, которая была такая железная баба, что сумела мать свести в могилу, дочку довести до самоубийства, а муж от нее, так просто сбежал куда-то так далеко, что и милиция не может до сих пор найти, а может и сгинул где, потрясла всех не меньше чем история про то, как в семьдесят пятом в подвале, где была раздевалка, во время образовавшейся давки погибли дети. – Так вот, она все свои деньги вложила в один банк, – все сразу посмотрели на Заболотину Олесю, которая работала в банке. Таня махнула рукой. – Да нет, не в ее! В этот Волжскийзаволжский. Алену хоронить то надо. Денег нет. Сунулись в этот банк, а там не дают. Не наследники, не положено! Так ее и пришлось школе хоронить. А больно шикарные похороны школа может устроить! Так, купили гроб самый дешевый. Не в мешке же хоронить? И закопали Алену. Поставили деревянный крест. Это ей-то? Атеистке такой?

– Значит, все-таки наказал ее Бог! – злорадно произнесла одна беременная, самая молчаливая в палате, которая все время читала Библию и постоянно молилась.

Все тут же стали горячо обсуждать новую сплетню. Даже когда сестра принесла градусники, девчонки все еще обсуждали историю про Алену, директрису десятой школы. От этого температура у двух беременных повысилась на полградуса.

Эту ночь Маша провела в беспокойстве. Сон ее был тревожный и постоянно прерывался. Она вообще плохо спала, с тех пор как оказалась в больнице. Также как и ее муж она страдала от одиночества. Они спали с мужем вместе всего несколько месяцев, но за это время она так привыкла к тому, что рядом лежит муж, и в любую минуту можно к нему крепко прижаться, что теперь спать в одиночестве, да еще на ужасной кровати было просто невыносимо. Еще конечно мешал живот. Она так и не привыкла к нему. На спине спать было просто мучительно, но повернуться было нельзя. В конце концов, она проснулась среди ночи и уперлась глазами в темный потолок, не имея возможности заснуть. Ей было не по себе. Что-то беспокоило ее, но что, она понять не могла. Просто лежала и не могла уснуть.

Ее беспокойство передалось и ребенку. Он зашевелился внутри нее, и сразу стало больно. И тоскливо. Почему все ее подруги не имели никаких неприятностей, когда вынашивали детей? Никого из них не упустили в больницу и не разлучили с мужем! Почему она такая невезучая? Вместо того, чтобы быть рядом с Женей она вынуждена томиться здесь и выносить адские мучения, душевные прежде всего. Физические ее уже не волновали. К уколам она привыкла и только ойкала, когда вынимали иглолку. А ведь раньше она смертельно как маленькая девочка боялась уколов. Теперь ради того, чтобы родить она терпела все. Даже одиночество. Впрочем, она была не одна. С ней был он. В этом отношении женщины могут быть счастливее мужчин. Им есть с кем разделить печаль.

Маша стала успокаивать себя и ребенка. Она стала с нежностью поглаживать живот и мечтать о будущем, в котором ничего кроме счастья не будет. Она стала представлять, как они будут счастливы вдвоем: она, ребенок и Женя. Как они будут любить друг друга, и как все будут завидовать их счастью. Все впереди виделось в розовых светлых красках. Никаким неприятностям, проблемам и недугам в ее мечтах делать было нечего.

Это помогло. Маша стала успокаиваться, и сон снова стал навевать на нее свои чары. Малыш тоже затих. Мысли матери передались ему и успокоили лучше любого лекарства. Он знал, что он любим, что его ждут, а значит надо просто набраться терпения и сил, и скоро все будет прекрасно, как музыка, которую так любит слушать его мама, и которую он тоже очень любит. Только вот почему-то он давно уже ее не слышал. Но это ничего. Он все равно ее помнит и всегда может сам услышать ее уже без посторонней помощи.

Они уснули оба. Мать и дитя. Пока они вместе одно целое. И им хорошо везде.

2

Как древнее исполинское животное с множеством конечностей и корявым, свернувшимся в кольцо, туловищем Больница Скорой помощи погрузилась в сон. Было три часа ночи – время, когда не в силах бороться со сном ни те, кто на дежурстве, ни те, кто не может спать, потому что не позволяет этого боль. А больница просто наполнена болью. Боль царит на всех ее этажах, во всех уголках и подвальчиках. Боль царица больницы. Если бы не было ее, не было бы и этого здания. Но она была, и люди бессильны бороться с нею и поэтому весь мир покрывают такие больницы Скорой Помощи. Где они дорогие и многосильные, чистые и просторные. В них работают прекрасные люди, перед которыми боль иногда пасует, но тем сильнее ее торжество, если победу одержит она, а не человек. Другие больницы поскромнее, есть и вовсе маленькие и бессильные, где только и могут, что констатировать результат. Ну бывают и исключения. Как и во всем.

Эта больница была скорее из второй группы больниц. Прошло то время, когда она пользовалась уважением людей. Давно прошло. Теперь они приходили сюда, потому что больше идти было некуда. Другие больницы были не лучше.

Вот и царит здесь боль. И никакие лекарства ей не страшны.

Она боится только людей.

Есть такие люди, которые могут побеждать ее. Их немного. Раньше было больше. Намного больше. Они побеждали ее одним лишь только взглядом, двумя-тремя словами и теплой улыбкой. Стоило им только приблизиться к человеку, которого ломает боль, и та, почувствовав их приближение, вынуждена отступить. Сильные и великие это были люди. Теперь их почти не осталось. А здесь в больнице и вовсе нет. Два-три человека. В таком количестве они не опасны. Их можно обойти, обмануть, обезвредить. Потому что слишком много у нее, у боли союзников. Очень много. Они ей верно служат, и одним только словом, взглядом могут ударить, обидеть, убить. И их очень много. Особенно сейчас. Вот и обрела боль невиданную доселе силу и царит в Больнице Скорой помощи.

Но в это время даже она отступает, потому что у нее есть еще один страшный враг. Сон. Перед ним она чаще всего бессильна, и в полной злобе уползает в те места, куда сон еще не добрался. Например, в реанимацию. Здесь у нее еще много работы.

Есть в больнице еще одно место, где нет места для боли. Но она сюда и не стремится. Здесь находятся те, с кем она уже разобралась и справилась, и они ее больше не интересуют, как не интересует гурмана давно съеденный ужин.

Это морг.

Здесь тишина и покой. И по своему очень уютно. Потому что тихо. Даже лампы дневного света своим гулом только увеличивают эту тишину.

Ночью тут только дежурный медбрат. Он сидит за столом перед старой лампой и читает книгу. Он молод, но уже не юн. Сквозь стекла очков видно, как бегают по строчкам его глаза. Который раз он прочитывает книгу о французской девушке по имени Эммануэль. Ему мало понятны ее чувства, и он не чувствует к ней никакой симпатии. Просто книгу давным-давно принес его напарник, который уже здесь не работает, и он читает ее, потому что больше тут делать нечего. На нем белый, давно не стираный халат, на нагрудном кармане которого нитками вышиты корявыми буквами два слова:

«Решетников Виталий».

Это его инициалы.

Виталий не спал. Он уже успел выспаться. Никто ему тут этого делать не мешал. А теперь он бодрствовал. Он был один из немногих медбратьев в этой больнице, который не спал в это время суток. Наоборот он даже любил эти ночные дежурства. Они самые спокой-

ные и длинные. Не надо было носить носилки, и выполнять множество других неприятных работ. То, что он делал днем, Виталий Решетников не любил. Но делал не без неприятия. Чаще всего здесь днем толпились студенты да родственники его подопечных.

А вот покойничков Виталий любил. Они никогда не доставляли ему беспокойства. Только радость. Они были его друзьями. Очень хорошими друзьями. Ради дружбы с ними он и пришел работать в морг. И для них он готов был сделать все на свете, потому что ближе их у него не было никого. Так продолжается уже семь лет. И он счастлив. Ему больше ничего не надо.

* * *

Десять лет назад он был обыкновенным подростком и даже не помышлял о морге. Был как все. Ничем от людей не отличался. Любил повеселиться на дискотеках, пофлиртовать с девочками и так далее. Но в один прекрасный день все это для него кончилось.

Вернее в один прекрасный вечер. Он пошел в кино. Он не просто пошел в кино, а намеренно отправился, чтобы посмотреть фильм Федерико Феллини «Восемь с половиной». Это был фестиваль показ, и билетов, конечно же, к его приходу уже не было. К тому же было воскресенье. Виталий расстроился. Уходить было обидно. Он так давно мечтал посмотреть этот фильм. Столько о нем слышал.

И тут ему повезло. Его унылая физиономия привлекла внимания группы молодых людей.

– Лишний билетик не нужен? – спросил один из них, светловолосый худощавый парень в очках с очень тонкой оправой.

Другие смотрели на Виталия весело и хитро.

– Нужен, – обрадовался тот.

– Рубль, – сказал парень.

– Ладно, – не сомневаясь, сказал Виталий, хотя и отлично знал, что билет стоит семьдесят копеек.

Это удивило парня в очках, и он даже словно растерялся. Виталий быстро всучил ему рубль и забрал из рук вожака голубенький билет.

До сеанса оставалось еще полчаса, и Виталий побродил по окрестным улицам. Когда он зашел в кинотеатр и пробрался к своему месту, то на соседнем кресле увидел парня в очках. Увидев Виталия, тот почему-то сильно смутился и виновато с ним поздоровался.

Виталий, который уже начисто успел забыть этого парня, так как у него была отвратительная память на лица, тоже сказал ему:

– Привет.

– Слушай, – поспешно произнес парень, – мы пошутили. Ты просто очень быстро исчез.

И он протянул удивленному Виталию тридцать копеек. Тот деньги взял, и тут начался фильм, который полностью захватил Виталия, и на парня в очках он больше внимания не обращал.

Виталий смотрел фильм с огромным вниманием, потому что очень любил Феллини и считал себя большим интеллектуалом. Зато публике он явно не понравился. Она в этот воскресный вечер хотела смотреть явно не это, поэтому широкий поток покидавших зал, не иссякал все два часа. Когда занавес закрылся, Виталий покинул зал потрясенный. Финал картины его окрылил. Он почувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Может, так оно и было. Виталий был не единственный, кого потряс этот фильм. Он вышел на улицу и, вздохнув полной грудью холодного январского воздуха, наполненного снежинками, пошел к остановке. Очень долго ждал свой маршрут, но времени не замечал, все еще находясь под

впечатлением от фильма, и видел перед собой мальчика, который играл на флейте, а за ним шли клоуны и всякий другой сброд. Душа Виталия пела, а в ушах звучала музыка Нино Роты. Наконец автобус все-таки пришел и раздвинул двери.

Он уже проехал больше половины пути, как за несколько остановок до той, которая была ему нужна, повернул голову. Так без внимания. Он почти ничего вокруг себя не видел. Но тут вдруг резкость в его глазах сфокусировалась на одном лице. Лицо ему улыбнулось. И тут Виталий Решетников снова вернулся в этот мир и не сразу, но узнал улыбнувшееся ему лицо. Это опять был все тот же светловолосый парень в очках, у которого он купил билет, и с которым вместе смотрел фильм.

– Это опять ты? – весело спросил парень.

– Я. – Виталий улыбнулся.

– Тогда нам наверно стоит познакомиться, – парень протянул руку. – Эдик.

– Виталий.

– Привет, Виталий, – сказал Эдик.

– Привет.

Так они и познакомились.

– Как тебе этот фильм? – спросил Эдик.

– Понравился, – честно признался Виталий.

– Ты где учишься?

– Я в десятом классе.

– Отлично. А я на медфаке. На третьем курсе. А что тебе конкретно понравилось в этом фильме?

Виталий растерялся от такого прямолинейного вопроса. Начал бормотать что-то из критических заумных статей из киножурналов. Но это явно не удовлетворило Эдика.

– Нет, ты мне скажи свое мнение. Что тебе понравилось, что ты понял.

Виталий задумался. Потом стал говорить более обдуманно. Он понял, что это не разговор с ровесником, школьником, пусть и с выпускником, а со студентом, а с этой публикой он прежде не встречался. Разговор принял другой более размеренный и откровенный со стороны Виталий характер. Эдик оказался отличным аналитиком. Вопросы ставил очень ясные и конкретные. Виталию даже понравилось. Он стал подстраиваться под Эдика. Беседа ему так понравилась, что он даже пропустил свою остановку. Решил, что сойдет на следующей, а до дома дойдет пешком. Сейчас прогуляться было совсем не грех, а в удовольствие. И погода стояла отличная.

Оказалось, что Эдику надо было слезать именно на этой остановке, где решил сойти Виталий. Они вышли из автобуса вместе. Виталий явно жалел, что пришло время расстаться с таким интересным собеседником. Эдик видимо это понял.

– Ты куда? – спросил он.

– Домой.

– Ты знаешь, я тут в очень интересное место сейчас пойду. Ты не хочешь со мной? Это не надолго.

Виталий подумал и согласился. Эдик повел его к современному зданию больницы. Оно находилось в сотне шагов от остановки. Виталия это не удивило. Он помнил, что Эдик студент-медик, так что ничего удивительного в том, что они идут в больницу не было. Но больницу они обошли. За ней было еще несколько зданий. Маленьких пристроек. К крыльцу одной из таких пристроек и привел Виталия его необычный знакомый.

Крыльцо было занесено снегом. Было темно. Фонари, которые ярко горели и освещали местность с той стороны больницы, здесь были мертвыми и безжизненными. Они встали перед дверью, и Эдик сначала долго искал по карманам ключи, потом также не сразу смог открыть дверь. Наконец они вошли внутрь.

Молодые люди оказались в небольшом кабинете, стены которого были выложены белой больничной кафельной плиткой. Но тут было даже по-домашнему уютно. На столе стояла большая лампа с розовым абажуром, а на стене висела отвратительная копия известной в нашей стране картины Рубенса «Союз Воды и Земли». Она была написана так грубо и можно даже сказать, неумело, что было ясно – это работа не профессионала. Впрочем, не мало есть и профессионалов, которые могут написать такую копию не чуть не лучше. В конечном счете, именно эта картина меняла облик больничного кабинета, на вполне милую домашнюю обстановку. Она и диван, стоявший у стены. Эдик сразу на него бухнулся и стал менять обувь.

– Я тут дежурю. Хочешь чаю?

Виталий кивнул. От подобных предложений он никогда не отказывался. Эдик включил электрический чайник со свистком. Виталий тоже снял верхнюю одежду и осторожно присел рядом с Эдиком. Теперь можно было оглядеться внимательнее. Но ничего нового он не увидел. Только еще одну дверь серого металлического цвета. Она была плотно прижата к стене, и Виталий сделал вывод, что она закрыта на замок.

Вскоре поспел чай, и они смогли продолжить прерванный в автобусе разговор. Но только теперь уже речь пошла не только о фильме. Они говорили обо всем. Эдик рассказывал про учебу в университете, Виталий про школу. Потом они нашли общих знакомых и сблизились еще сильнее. Скованность в их отношениях полностью исчезла, и они чувствовали себя, словно были друзьями много лет. После третьего стакана, Эдик посмотрел на часы и встал. Он немного замялся, потом, словно решился и произнес:

– Ты только не волнуйся, но я должен тебе кое-что сказать.

Я забыл тебе сказать, где мы... вернее ты находишься.

Виталий посмотрел на него удивленно.

– Это морг.

Эдик сказал это и внимательно всмотрелся в Виталия. Он видимо ждал, какая будет реакция. Но реакции не было никакой. Виталий воспринял эту новость совершенно спокойно. Во всяком случае, внешне.

– Ага, – сказал он. – Поэтому ты до сих пор молчал? Не хотел меня пугать? Да?

– Точно. Но сейчас мне надо зайти туда, – Эдик кивнул на серую дверь. – Там они. Ты не будешь тут бояться один, пока я там?

Виталий внутренне вздрогнул, но не захотел показать, что ему не по себе.

– Да нет, иди спокойно. Я тебя тут подожду.

Эдик надел белый халат и сразу стал похож на молодого врача из рассказов Булгакова. Он еще раз посмотрел внимательным изучающим взглядом на Виталия и вставил ключ в замок серой двери.

– А может, ты со мной туда пойдешь? Или не хочешь?

Виталий подумал, что его хотят уличить в трусости. Он решил плюнуть на это и остаться на месте. Эдик ему сразу почему-то разонравился. Но язык сам собой пролепетал:

– Хочу.

– Вот и молодец, – обрадовался Эдик. – В жизни надо все посмотреть и узнать. Пошли.

Он первый вошел внутрь и включил свет. Тут были лампы дневного света. Они осветили длинную большую комнату. Здесь было холодно, но Виталий поежился не от холода. Он увидел столы, на которых лежали «они». Он их не видел, потому что все они были накрыты простынями, но он понял, что это «они».

– Я сейчас все проверю, и мы уйдем, – засуетился Эдик.

Он стал проверять температуру, а Виталий встал посреди комнаты и стал озираться по сторонам. Ему хотелось уйти отсюда поскорей. Взгляд его упал на стол, простыня на нем была меньше чем на других, и то, что лежало тоже. Это удивило Виталия и разбудило в нем

любопытство. Как раз в эту секунду Эдик прошел мимо и неосторожно задел простыню, на которую смотрел Виталий. Простыня прилипла к его халату и приподнялась.

Виталий похолодел, потому что увидел ногу. Маленькую и белую. Он понял, что это лежит не взрослый покойник. От этого открытия ему стало еще страшней. Ноги сами собой двинулись к выходу.

А Эдик ничего не заметил, и прошел дальше, открыв тело чуть не на половину. Только тогда он остановился и стал отцеплять от себя простыню. Но простыня так плотно прилегла к его халату, что ему пришлось снять ее с тела полностью и распрямить.

Виталий увидел теперь мертвого ребенка полностью.

Это была девочка. Она была белая-белая и совершенно голая.

Казалось, что она спит. Просто спит.

Виталий поймал себя на мысли, что это очень красивая девочка. Если бы у него была такая сестренка, и она умерла, то Виталий бы сильно горевал. Ему стало очень жаль девочку. Так жаль, что даже защипало глаза. Он чуть не заплакал от жалости к девочке. Той было лет двенадцать-тринадцать, не больше. Былой страх куда-то улетучился, осталась только жалость. Он даже сделал к ней один шаг, но тут Эдик закрыл девочку простыней.

Виталий вздохнул. Ему снова стало страшно.

– Тут даже дети есть? – плохо слушавшим его языком спросил он.

– Тут все есть, – деловым языком ответил Эдик. – Интересный экземпляр, не правда ли?

Виталий кивнул. Говорить он не мог. Дыхание сперло.

Слова не лезли из глотки.

– Ее сегодня утром привезли с детского этажа, – продолжал Эдик. – Лечить было уже поздно. Запущена до невозможности. Впрочем, ты не переживай. Она ведь детдомовская, а они там как мухи мрут. Сам понимаешь. Особенно младенцы. Ну и такие бывают. Кто их там лечить будет? Только вызывают скорую, когда уже все... Завтра вскрытие сделаем и в анатомичку. Сегодня у прозектора выходной.

– Куда?

– В анатомичку. В лабораторию. Студентам на опыты. Не хоронить же ее? Из детдома всегда туда идут.

Тут зазвонил телефон. Он звонил за дверью, и звук его был приглушен, словно он звал людей туда, обратно в нормальный мир.

– Подожди меня, – быстро сказал Эдик и убежал туда, где свистел кипящий чайник, стоял диван, и висела картина Рубенса.

Виталий остался один. Он как-то не мог так сразу уйти. Ему захотелось еще раз посмотреть на мертвую девочку. Он осторожно дотронулся до простыни и открыл тело.

Теперь он смотрел на него долго и внимательно. Различные мысли и чувства бешеным темпом сменяли друг друга. Через несколько секунд Виталием овладело страстное желание дотронуться до трупа. Он испугался этого желания, но рука уже протянулась к лицу мертвой и коснулась ее щеки.

Прикосновение к холодной ледяной плоти заставило юношу вздрогнуть. Он подумал, что сейчас мертвец оживет и вцепится ему в палец, как это бывает в страшных детских историях, и в то же время он ясно осознавал, что этого не произойдет.

Девочка была мертва. Она больше никогда не сможет ничего сделать в этом мире. Она не скажет больше ни одного слова. Скоро ее вообще больше не будет, только различные конечности и органы расчлененного тела будут лежать в разных шкафах, помещенные в банки со спиртом.

Дрожь пробежала по всему телу молодого человека. Ему стало так холодно, как даже не должно быть в таком промерзшем помещении. Но только на несколько секунд. Рука Виталия от лица девочки пошла вниз к ее груди, прошла по животу и по левой ноге направи-

лась к колену. С каждым пройденным ею сантиметром Виталию становилось теплее, пока не стало совсем жарко. Сейчас его рука растопит холод в этом мертвом теле и оживит его. Он услышал как сильно и быстро бьется его сердце. По телу опять пробежала дрожь. Пробежала по всем нервным клеточкам и скопилась где-то чуть ниже живота. Такого он никогда не ощущал. Виталий положил другую руку на тело девочки, ему захотелось обнять ее, и вдруг он почувствовал то, что чувствовал много лет назад, когда в первый и в последний раз сделал то, что научил его дворовый приятель. Тогда он сильно, очень сильно испугался. Так испугался, что больше никогда этого не делал.

И вот сейчас с ним это опять произошло.

И опять Виталий сильно испугался. Только страх так смешался с наслаждением, что стало трудно стоять на ногах.

Послышались шаги. Это возвращался Эдик. Виталий почувствовал себя преступником, застигнутым на месте преступления. Он заметался и едва успел накрыть девочку простыней. При этом он чуть не упал, и когда Эдик снова был перед ним, зубы у Виталия стучали, а руки тряслись. Усилием воли Виталий заставил себя принять вид, что с ним ничего не произошло. Но Эдик был чем-то сосредоточен и поэтому ничего не заметил.

Виталий перевел дух.

Они вернулись в кабинет, Эдик запер серую дверь, и они снова стали пить чай. Разговор дальше почему-то не пошел. Виталий никак не мог сосредоточить мысли, и поэтому скоро заторопился домой. Эдик не стал его задерживать.

– Заходи сюда. Я дежурю каждые четвертые сутки, – сказал он, провожая Виталия.

– Обязательно приду, – вырвалось у того.

Когда он пришел домой, то все еще находился под впечатлением того, что с ним произошло. Он был так сосредоточен на этом, что больше ни о чем другом думать просто не мог. Ночью он почти не спал. На него навалилась бессонница со своими тяжелыми мыслями и раздумьями. Главное место в мыслях Виталия занимала мертвая девочка. Он в мельчайших деталях вспомнил все, что было и опять, когда мысленно прикоснулся к девочке, почувствовал те же симптомы, что и в морге. Только в этот раз, никто не помешал Виталию, и он благополучно кончил.

Боже! Он и не знал, что это так приятно – до конца прожить эти несколько секунд. И почему это он раньше такого не делал?

Прошло три дня. Каждую ночь Виталий прогонял в голове мысли о морге и мертвой девочке. Только в третью ночь воспоминания были уже не четкими, расплывшимися, и у него ничего не получилось. Виталий тогда чуть не расплакался от обиды. Напрягся, как мог, но это не помогло. Весь следующий день он был хмурым и злым, не мог никого видеть и ни с кем разговаривать. Когда на улицах стало темнеть, он понял, что ему надо делать. Ноги сами понесли его к больнице, вернее к той ее пристройке, где находился морг.

Эдика там не было. Он ткнулся в закрытую дверь, и долго не мог понять, что туда внутрь ему не попасть. А так хотелось. Ему до зуда вдруг захотелось еще раз посмотреть на ту девочку, а если повезет, то и потрогать. Но дверь, обитая железом, была закрыта. Виталий стал ждать, но прошло два часа, а никого не было. Он только промерз до костей. Наконец уже в полной темноте появилась какая-то фигура. Она направлялась к Виталию. У того от волнения забилося сердце.

Но это был не Эдик. Это был совершенно другой парень. Он окинул Виталия мрачным подозрительным взглядом. Тот даже съежился. Ему показалось, что этот парень в чем-то его подозревает.

– Мне Эдик нужен, – по-детски жалобным голосом пискнул он.

– Эдик сегодня не дежурит, – парень больше не смотрел на Виталия. Он возился с ключом; никак не мог попасть в щель замка и тихо чертыхался. – Завтра, кажись. А может послезавтра.

Донельзя разочарованный Виталий поплелся прочь.

На следующий день он снова появился у, ставшей уже вождеденной, двери. Она пропустила его внутрь, и к своей великой радости он увидел дремлющего на диване Эдика.

– Привет, – Виталий стал стряхивать с обуви снег, чтобы было легче скрыть смущение.

Но Эдик ему обрадовался, причем совершенно искренне.

– Чертовски рад, что ты пришел! Умираю здесь от скуки и одиночества. Больше всего на свете не люблю пить чай в одиночестве.

– Решил вот зайти, – пробормотал Виталий.

– Молодец! А то ведь мы, тогда как-то и не договорили.

И снова, как и в прошлый раз, они стали непринужденно и премило болтать обо всем на свете, как это и полагается двум молодым интеллигентным людям. Время шло незаметно. Пришел и долгожданный для Виталия момент, когда Эдик направился в покойницкую.

– Можно я с тобой? – как ни в чем не бывало, спросил Виталий.

– Что понравилось? – развеселился Эдик.

Виталий понял, что спасти его может только полная искренность.

– Ага.

– Тогда пошли.

И снова этот зал, и эти мраморные столы.

И «они». Манящие и соблазнительные даже под простынями. У Виталия сердце сжалось в предчувствии счастливого возбуждения. Но теперь он совершенно владел собой, и внешне был абсолютно спокоен.

– А что той девочки уже нет? – спросил он, когда не увидел знакомого очертания.

– Да ты что! Ее уже давно увезли.

– Жаль, – тихо сказал Виталий.

– Да брось ты, – беспечно отозвался Эдик. – Тут надо ко всему относиться спокойно, иначе с ума сойдешь. Ведь каждая смерть, по сути своей – трагедия. Каждый покойник огромный умерший мир, можно даже сказать – цивилизация. Вселенная.

– Да конечно, – поспешно согласился его собеседник. – А можно на них посмотреть?

– Да смотри, сколько хочешь, коли нравится. Мне не жалко. Только их сегодня не много. Так скажем, что смерть в этот раз собрала скудную жатву.

Эдик был наполнен юмором и весельем, как молодое вино воспоминанием о лете. Как все молодые медики он был большим циником.

Покойников действительно было немного. Всего три человека. Двое пожилых мужчин и одна молодая женщина. Увидев ее, Виталий тут же забыл про девочку. Все его внимание сразу же переключилось на новую покойницу...

* * *

Это было давно. Теперь Виталий Решетников уже старый некрофил, и одним созерцанием трупа давным-давно уже не удовлетворялся. После школы он сразу попытался поступить на медфак, не набрал нужное количество баллов и провалился. Но это его не обескуражило. С результатами экзаменов он без экзаменов поступил в медучилище и окончил его с отличием, после чего поступил в морг. Дальше учиться он не стал. Цель была достигнута.

Вот и сейчас он был полон предвкушением новой встречи. Там его ждет великолепная любовница. Ее привезли совсем недавно, она уже остыла, и сейчас он пойдет к ней.

Решетников сбросил халат и стал раздеваться. В покойницкую он вошел совершенно голым. Тут было холодно, но он даже не поежился – годы работы в морге закалили его так, что он стал почти моржом. Да и какой холод! Сейчас ему будет жарко.

Мягкой походкой барса некрофил подошел к алюминиевому столу (из-за бедности здесь не было тех мраморных столов, как в той больнице, где он впервые полюбил мертвеца), и осторожно открыл обнаженное мертвое тело. Это была красивая блондинка. На вид ей было не больше тридцати. Хотя для него возраст не всегда имел значение. Она была мертва и поэтому прекрасна. Несколько минут Решетников Виталий просто молча стоял и любовался ею. Затем он взобрался на высокий стол и лег рядом с покойницей рядом. Замер и закрыл глаза. На лице у него появилась блаженная улыбка. Он сложил на груди руки и ушел в себя. Так он лежал минут пятнадцать. Совершенно не шевелясь и не издавая ни звука. Он стал мертвецом, и это положение давало ему массу приятных ощущений.

Но это была лишь прелюдия.

Когда ему надоело быть мертвым, он открыл глаза и повернулся лицом к женщине.

– О, как ты прекрасна! – не удержался он от восклицания. Почему такие красавицы так редко умирают? Но все-таки ты пришла ко мне. Правильно! Ведь я так долго звал тебя.

Он повернул покойницу к себе лицом и заглянул ей в глаза. Неважно, что ее веки закрыты. Он видит все, что ему нужно. Затем он прижал ее голову к себе и осыпал волосы поцелуями. От волос он перешел к лицу, затем прижался к ней всем телом, повалился на спину, и тем самым перевернул мертвую женщину на себя. Вот тут у него и наступил тот самый приступ страсти, которого он ждал. Виталий стал ласкать мертвое тело с такой страстью, с какой редко ласкают живых. Чудо, что покойница не ожила. Но ему это было и не нужно. С мертвой женщиной так хорошо. А вот как с живой, он и не знает. И не желает знать.

– Скорее, – шептал Виталий ей в ухо. – Нам надо сегодня кончить скорее. Скоро придет он, и ты больше уже не достанешься мне. Ты будешь принадлежать ему, этому ненормальному. О, как я его ненавижу. Его и всех тех, кто причиняет вам боль, лишает вас красоты и превращает в омерзительные куски мяса. Хорошо хоть он отложил вскрытие. Иначе бы я не успел.

Говоря эти слова, он вздыхал, стонал, вскрикивал от наслаждения. Сил у него было в избытке, и он не пропустил ни одной возможности сексуального общения с трупом. Он был очень изобретателен. Эта женщина наверно, когда была жива, и то не проделывала того, что он заставлял ее проделывать, играя с ней словно с куклой. Труп уже был почти заостенелым, но Виталий был сильным как бык, и без труда заставлял его принимать любое положение, которое ему было нужно. Когда он, наконец, закончил и утомился, пот с него тек ручьями. Он был горд собой. Сегодня он был как никогда полон сил и энергии. Столько раз у него было только в молодости. Вот, что значит красивая женщина. Он ее долго не забудет. Теперь осталось последнее. Ему надо было принять душ. Он взял покойницу на руки и понес ее с собой в душевую.

– Сейчас мы помоемся, дорогая, – шепнул он ей, кусая ледяную мочку уха. – Я сам буду мыть тебя. Тебе не придется трудиться. Ты это заслужила.

В душевой, под струей холодной воды, покойники любят только холодную воду, он прощался с ней со слезами на глазах. Он почти рыдал, обнимая и целуя ее.

– Почему счастье длится так недолго? Может быть, поэтому оно такое и сладкое, что мы оба знаем, что это единственный раз. Больше мы никогда не увидим друг друга. Никогда!

3

Через полчаса все было, как и прежде. Виталий сидел за столом и читал книгу. Он был одет, волосы его были сухие, потому что он высушил их феном, халат аккуратно застегнут на все пуговицы. Невозможно было постороннему лицу догадаться, что здесь было совсем недавно.

Электронные часы показывали четыре часа десять минут.

В дверь постучали. Уверенно и требовательно. Виталий нисколько этому не удивился, а пошел открывать. В морг пришел еще один человек в белом халате. Виталий почтительно с ним поздоровался. Тот даже не ответил на приветствие, как будто не слышал его. Тяжелым уверенным шагом он прошел в покойницкую. Виталий проводил его ненавидящим взглядом. Тут человек вдруг остановился и повернулся к Виталию. Тот сразу надел на лицо маску приветливого медработника, который разговаривает с лицом намного выше его по званию и должности.

– Температура в норме? – спросил пришедший.

– Так точно, Егор Васильевич.

Это и впрямь был заведующий хирургическим отделением. Он ничего не сказал, а просто плотно закрыл за собой дверь и щелкнул замком. Он не собирался показывать кому-либо, чем он тут занимается. В руках у него был чемоданчик, какие бывают у врачей машин скорой помощи. Егор Васильевич поставил его на один из пустых столов, а сам направился к телу, с которым полчаса назад занимался любовью Виталий Решетников. Открыл простыню резким точным движением и воззрился на труп. Отличный экземпляр! Хирург вернулся к своему чемоданчику. Щелкнули замки, и при свете ламп блеснули холодным медицинским светом инструменты. Егор Васильевич взял большой десятиграммовый шприц и наполнил его коричневой слегка густоватой жидкостью. Подошел к телу и стал примериваться, куда сделать укол. После недолгого раздумья он уверенно ввел иглу в руку покойницы, безошибочно найдя вену, с трудом влил туда все, что было в шприце. После этого он быстро приготовил еще один укол и наполнил шприц новым раствором, в этот раз прозрачным и совершенно бесцветным. Укол сделал не в вену, а внутримышечный. Теперь все было готово, чтобы приступить к делу, осталось подождать четверть часа.

Егор Васильевич снова занялся своим чемоданчиком. Он стал доставать из него инструменты и складывать их, как для операции. На это ему понадобилось не больше минуты, после чего он стал доставать приборы явно не медицинского характера. Это были электроприводы, датчики, стабилизатор и целый пучок длинных разноцветных проводов. Разложив все это в какой-то только ему известной последовательности, он вернулся к мертвому телу.

Если бы кто-то посторонний увидел бы труп в эту минуту, то ему бы стало не по себе. Женщина порозовела и потеряла тот иссини белый цвет присущий мертвецам. А градусник, который незадолго перед этим Егор Васильевич вставил ей во влагалище, показывал тридцать один градус по Цельсию. Взглянув на него, врач удовлетворенно причмокнул губами и что-то записал в своей записной книжке.

Время шло, но Егор Васильевич не замечал его. Ему было не до этого. Он работал. Работал вдохновенно, как художник. Да он и был в своем роде художником. Великим художником. То, что он делал, он – простой зав отделением в провинциальной задрипанной больнице, не делал никто в мире, в этом он был уверен.

Опутав мертвую проводами, и облепив ее присосками с датчиками, врач включил стабилизатор в розетку и стал настраивать напряжение. Стабилизатор был очень старенький, наверно сохранился с пятидесятых годов, но, несмотря на это был крошечный и работал

отменно, без капризов. Напряжение регулировал с невероятной точностью. Такие наверно были у Королева на Байконуре, когда он работал с первыми спутниками.

Невидимыми бойцами побежали по проводам электрические заряды. Послышался легкий треск от соприкосновения их с человеческой плотью. Егор Васильевич сделал еще один укол мертвой, трудно теперь ее так назвать, блондинке, в этот раз в сердце, и стал прислушиваться. Он волновался. Очень волновался. Но вот его глаза засияли радостным блеском, в улыбке обнажились крупные, почти лошадиные, желтые с чернотой у десен зубы. В эту секунду он стал похож на демона. Пальцы его левой руки судорожно нащупывали пульс мертвеца, а ладонь правой уже явственно ощутила первый, совсем слабый, толчок сердца. По бывшему совсем недавно мертвым телу вдруг пробежала дрожь. Руки блондинки судорожно согнулись, Егор Васильевич с трудом разогнул их и стал массировать.

Градусник показывал уже тридцать четыре градуса. Это рекорд в его работе. Позже надо будет отметить, но сейчас об этом думать нельзя, надо работать. Он отпустил тело и схватился за записную книжку, быстро испещряя в ней страницы мелким неразборчивым почерком. Труп же тем временем задергался как Петрушка на веревочках на старинных русских ярмарках. Несколько присосок отлетели в сторону. Егор Васильевич стал торопливо ставить их обратно. Как ему не хватало помощника, но нет, он обойдется один, потому что нельзя никому доверять в этом мире. Хирург внимательно наблюдал за поведением тела. Оно подергалось еще немного, затем успокоилось. Фактически это уже был не труп. Все жизненные функции возвращались к нему одно за другим. Вот засвистел в носу воздух – возвращалось дыхание. У женщины открылся рот, и из него вывалился распухший язык. Она тяжело с присвистом задышала. Егор Васильевич даже застонал от счастья. В прошлый раз дыхание наступило намного позже, и не было таким сильным и мощным. Не зря он потратил три месяца на расчеты и опыты в анатомическом кабинете. Не зря прожиты те бесчисленные бессонные ночи. И все это достигнуто без лаборатории и помощников, в одиночку! Нет, все-таки он гений. Нобелевская премия не за горами. Он обессмертит эту женщину и себя.

Лихорадочными движениями он проделывал, чуть ли не десяток различных действий, направленных на поддержание возрождающейся жизни. Делал уколы, вводил через катетер физраствор, да еще успевал записать каждое свое действие, потому что не доверял памяти. Но вот на его лице стали появляться признаки отчаяния. Он уловил первые признаки того, что и в этот раз все будет как прежде. Безошибочным чутьем великого ученого и хирурга он увидел первые признаки смерти. Неужели и в этот раз она одержит над ним победу?

И тут вдруг женщина открыла глаза и посмотрела на него мутным невидящим взором. Егор Васильевич вздрогнул. Сегодня он зашел так далеко, как еще не разу не заходил. По спине у него побежали мурашки. Человеку показалось, что сама смерть смотрит ему в глаза. Как страшно видеть все это. Однако состояние страха продолжалось не более секунды, его быстро сменил новый приступ радости.

– Ну! – закричал он женщине. – Ну, родная, давай, вставай! Ты жива, жива! Ты меня слышишь? Ты видишь меня?

Женщина ему не ответила. Вместо этого она стала делать отчаянные попытки подняться. Голова ее на секунду оторвалась от поверхности стола на несколько сантиметров. Врач не верил своим глазам. Господи! Его сердце выдержит ли это? Выдержит! Мотор у него отличный. Егор Васильевич взял себя в руки и стал массировать мышцы, чтобы быстрее разогнать по телу женщины кровь. Это помогло. Руки ее стали двигаться более эластично. Он снова наполнил шприц коричневым раствором и попытался сделать укол в вену. Ему не сразу удалось это. Рука все время дергалась и дрожала.

И вдруг изо рта ее вырвались какие-то булькающие звуки, и женщина села на столе. Голова ее сразу безжизненно повисла. Секунду она сидела, не двигаясь, потом упала на бок. Гулко стукнулась голова о поверхность стола. Кожа треснула, и из раны сразу полилась

кровь. Она была яркая и горячая и сразу разлилась большой лужей. Егор Васильевич схватился за голову.

Это была катастрофа. Женщина больше не подавала никаких признаков жизни, сколько их не искал несчастный доктор. Увы, она снова была мертва. Мертвее не бывает. Кровь снова стала свертываться, кончики пальцев уже стали холодными. Опыт закончился. Он снова проиграл. Егор Васильевич вытер с лица пот, и безвольно опустился прямо на пол. Долго он сидел на полу почти без движений, устремив пустой взгляд на выложенный темно-розовой плиткой пол, этот современный Франкенштейн.

* * *

Сорок лет жизни посвятил Егор Васильевич Безруков оживлению трупов. Он также, как и Виталий Решетников, имел свою тайную страсть. Она сжигала его адским пламенем и вот уже чуть не полвека полностью подчиняла его себе. В детстве он совершенно не думал стать врачом. Куда ему простому деревенскому парнишке. Все, на что он надеялся в жизни, это стать колхозным трактористом. Родители у него были простые неграмотные крестьяне. Только случайность привела его однажды в город в тринадцатилетнем возрасте. Приехал погостить к тетке, которая вот уже пятнадцать лет жила в городе и даже была замужем за работником конторы. Этот работник конторы, звали его Пантелеймон Арбитрович, пожилой пузатенький мужичонка оказался приветливым дядькой и встретил племянника без неприязни. Люди тогда вообще были гостеприимными. Не то, что сейчас. Он жил в городе почти все лето. Тетка жила в старинном дореволюционном доме, и вместе с ней, ее тремя детьми и мужем жила еще и незамужняя сестра Пантелеймона Арбитровича Агриппина. Это была довольно смешная особа, а для деревенского Егорки и вовсе представлялась настоящим чучелом в облике человеческом. Она была экстравагантна и обладала столькими чудачествами, что могла претендовать и на благородство. Мальчик сразу про себя прозвал ее буржуйкой, но, тем не менее, она ему нравилась. Именно она и привила ему любовь к чтению. До этого он и не подозревал, какое это интересное занятие – читать книги. В деревне у них библиотеки не было, а тащиться в районный центр ради книг, ему в голову не приходило. Но Агриппина Арбитровна из своего сундука доставала всегда такие удивительные вещи, что мир приключений и путешествий просто закружил голову деревенскому, ничего не видевшему в мире подростку. Агриппина была очень романтической натурой и тоже обожала книги про Тарзана, трех мушкетеров, детей капитана Гранта и многое другое подобное этому. Собственные племянники ее были абсолютно равнодушны к книгам, читать не любили, даже искренне презирали это занятие, в чем тетка винила их неграмотную деревенскую матушку. Когда же она увидела, с каким рвением приступил к чтению Егор, она сразу преисполнилась к нему чуть ли не любовью. Ведь книги были ее главной любовью в жизни, мало любовью, настоящей религией, и она чувствовала себя миссионером, долг коего приобщить к благу каждого смертного. У нее был целый сундук набитый книгами, но Егор прочитал все книги за один месяц. Он ничем другим и не занимался. Начал по второму разу, тогда Агриппина сказала ему, что на чердаке кажется есть еще один сундук с книгами, правда больше научного содержания, но при желании и там он может найти себе что-нибудь. И она оказалась права. Именно в этом сундуке Егор и нашел книгу, которая перевернула все дальнейшую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.